

ЗВЕРИНАЯ ЛЮБОВЬ

ТАИС ✨ БУШЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Таис Буше

Звериная любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67314335

SelfPub; 2023

Аннотация

Больше всего Ярослава боялась окончательно потеряться в темноте. После той ужасной автокатастрофы, в которой она разом лишилась и родителей, и зрения, темное отчаяние накрыло ее с головой. А еще опекуны, которым она совершенно не доверяла. И их сын, мечтающий поиграться с ней... Но самым опасным оказался мужчина – правая рука местного лидера. Ему было плевать, что она слепа и беспомощна перед ним. Он просто забрал ее себе. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 01	7
Глава 02	12
Глава 03	19
Глава 04	29
Глава 05	46
Глава 06	64
Глава 07	71
Глава 08	82
Глава 09	92
Глава 10. Спустя месяц	113

Таис Буше

Звериная любовь

Пролог

Я проснулась, но темнота никуда не ушла. Она изменилась – перестала давить, как во сне. Ночью она настоящая: страшная и злая, – а днем прячется в тенях и выглядит такой безопасной. Я еще помню тени от высоких деревьев, красивый перелив солнечных бликов на водной глади. И помню лица родителей, когда мы еще были счастливой семьей.

До той жуткой аварии.

Я не шевелюсь, потому что слышу его шаги. Дверь тихо открылась, и его рука коснулась меня.

Он провел пальцами по моей шее. Ниже. Но я научилась закрываться одеялом, а еще спать в спортивном костюме под самое горло, чтобы Игорь не смог коснуться даже кусочка моей кожи.

Джой гавкнул пару раз и прыгнул на кровать, принявшись лизать мое лицо. Умная собака и единственный мой друг.

– А ну слез, – гаркнул на него Игорь. – Вставай Ярослава, утро уже.

Я почесала Джоя за ушами и угукнула, притворяясь сон-

ной. Сама же прислушивалась к каждому шагу Игоря. Он постоял немного и вышел из комнаты. А я тихо всхлипнула.

Жизнь в этом доме превратилась в крошечный ад с приездом Игоря. Раньше он учился в Москве, потом улетел в Англию, но похоже что-то случилось, и теперь мой двоюродный брат отсиживался в этом коттеджном поселке.

Вместе со мной.

Сюда меня сослали почти сразу, как мои тетя и дядя оформили опеку надо мной после смерти родителей. Я всегда посмеивалась над излишней педантичностью папы, но только благодаря ей я еще была жива. А по опекуному соглашению, которое составил надежный адвокат нашей семьи после подтверждения моей самостоятельности, куда входило и замужество, я могла аннулировать соглашение. Геннадия Марковича тоже нашел папа, и судя по скандалу, который я смогла подслушать, подкупить его не смогли.

Но я знала – долго я не проживу. Убить слепую калеку несложная задача, выставив все несчастным случаем, поэтому я каждый день уходила с Джоем и пряталась как могла.

Как смогла бы слепая девушка.

В первые недели я и правда хотела прервать свои мучения самостоятельно. Не получилось из-за сломанных рук. А потом... потом я, наверное, смирилась с тем, что осталась совершенно одна: без любящей семьи, без игры на пианино. Без будущего.

Но спустя несколько месяцев после выписки ко мне вернулась жажда жизни. Я так хотела жить, что привыкала, притиралась к вечной темноте вокруг меня так быстро, как могла.

Даже Джой, необученный быть поводырем, стал мне другом. А ведь, наверняка, они рассчитывали, что собака создаст мне кучу проблем.

Я хотела сбежать, но не знала куда. Да и, говоря начистоту, у меня не было средств. Они строго выполняли договор опекунства – обеспечивали меня всем необходимым и даже дарили подарки. Но не деньги. Поэтому я и бродила по поселку, отсчитывая повороты, чтобы не зайти на запретную территорию.

По разговорам слышала, что там живут какие-то бандиты, но верилось с трудом. Зачем селить рядом с собой людей, если логичнее всего огородить все забором и проворачивать тайные дела без свидетелей. Не верила, но все равно обходила стороной.

До сегодняшнего дня.

Глава 01

ОНИКСИМ

Лето тогда разгорелось сильно, жара не сходила до самой темноты, растворяясь в белесом тумане над рекой, а днем возвращалась печным воздухом да головной болью. Я такую жару ненавидел: ни расслабиться, ни напрячься. Голова словно котелок на огне. Только кто меня спрашивал-то? Все договоренности необходимо было выполнять точно в срок и в полном объеме. Хотя я уже давно поднялся в клане с низов, дослужившись до «правой руки», или «лапы», как любил шутить, но вся ответственность все равно лежала только на мне, как и раньше. Поэтому умри, но работу сделай.

В этот раз заказов было немного, лето все-таки, разъехались заказчики по своим морским дачам. Даже в их закрытом поселке меньше народу стало, отчего золотистый ретривер на ухоженной дорожке между домами стал неожиданно. Пес дружелюбно вилял хвостом и рассматривал меня, смешно склонив морду. Я попыток подойти не делал: собаки меня не любили, вернее, боялись. Но ретривер признаков страха не выказывал, лишь принюхивался и изучал.

– Джой! Джой! Подойти ко мне! – Звонкий голос прервал наш обоюдный интерес, и я заметил молодую девушку, которая шла медленно, странно растопырив пальцы. Руки у нее

были все измазаны в земле, но удивился я солнцезащитным очкам в одиннадцать ночи. Собака в два прыжка очутилась у хозяйки, уткнувшись мордой в бедро, и завилыла хвостом.

– Глупый, ну куда ты убежал?! Ты же знаешь, что я не могу играть в догонялки.

Ретривер заскулил и потерял голову о брюки, а девушка, даже не очистив руки, принялась гладить по золотистой шерсти.

Я скривился, когда увидел оставленную грязь, и спокойно попросил:

– Мадмуазель, ну вы хоть руки стряхните. Собаку же мыть придется.

Но вместо кивка или равнодушного «спасибо», девушка громко ойкнула и переспросила:

– Джой вас не трогал?

Я снова посмотрел на собаку, которая сидела рядом и не показывала никаких признаков агрессии. Да и не помнил я, чтобы эту породу так тренировали.

– А почему он должен был меня «трогать»? – выделил я последнее слово и уставился на девушку, которая вместо того, чтобы повернуть голову к собеседнику, то есть ко мне, продолжала смотреть прямо.

– Он чужих не любит. Его... – Девушка проглотила слово и как-то мотнула головой, будто отгоняя комарье, но в кустах трещали лишь кузнечики. – В общем, не любит.

И тут до меня дошло! Обвалилось каленым железом на

сознание. Девушка была слепой, а ретривер – поводырь, которого, видимо, обучали не люди, а тупой скот. Людей я мало-мальски переносил, все-таки они и были основными заказчиками, а вот скот – нет. Убивал, не чихнув, даже совесть не мучила.

– Не трогал. Он знает, что не обижу, – покровительственно ответил я и улыбнулся, когда пес гавкнул. Девушка же напрыглась, сжала в кулак поводок и совсем тихо уточнила:

– Я не на Липовой улице?

В поселке жили люди, наш вожак разрешил, хотя я и противился. Ну, не дело это, когда молодых волчат привозят, обучают оборачиваться правильно, а тут людишки под боком. Сколько уже они скороспелых свадеб отметили с апреля по июнь?! Конечно, против инстинкта не попрешь, Пара есть Пара, но что-то я стал подозревать, что как-то легко они свои родственные души находят.

– Нет, на Волчьей.

Улицы так немудрено и поделили: людям – деревья в названия, а волкам – просто волчью с нумерацией.

– Простите, пожалуйста, меня предупреждали, – затараторила она, побелев как мел. – Я, наверное, неверно посчитала повороты. Простите, я сейчас уйду.

Уговор с проживающими был один – не соваться на волчью территорию. За нарушение наказывали. И сейчас я просто так ее, хоть и слепую, отпустить не мог.

– Увы, не уйдешь. Придется тебе правонарушение отра-

ботать. Как звать-то?

Девушка громко задышала, и на секунду показалось, что та заплачет, но она кивнула и сделала неуверенный шаг вперед:

– Ярослава.

– Черный. Или можешь по имени – Ониксим.

Девушка ничего не ответила, и, лишь подойдя ближе, я понял, что ее колотит мелкой дрожью.

– Да не съем я тебя, не трясись зверьком.

Но слова дали обратный эффект – Ярослава упала на колени и взмолилась, чтобы ее отпустили живой. Она для этого все сделает, но чтобы только живой и здоровой. Я даже засмотрелся на это идолопоклонничество, давненько такого пиетета мне не выказывали люди. Внутри Зверь заурчал, призывая хозяина отблагодарить девушку за проявленный должный страх. Я наклонился и легонько дотронулся до плеча, но сказать ничего не успел, как сильный удар головой пришелся мне аккурат в нос. Не до крови, но я взвыл и схватился за пострадавшую часть лица. Ярослава, сообразив, что натворила, когда решила подняться, захлопала уже своим носом, тихо умоляя не убивать.

– Ярослава, хватит валяться на земле. Встань, отряхнись и возьми за мою руку. Никто никого убивать не будет! – грозно сказал я, и девушка моментально послушалась. – Отработаешь провинность и свободна.

– Спасибо вам! – Она крепко сжала протянутую руку,

а меня прошибло разрядом, болезненными иглами вонзившись в сердце. И так оно зачастило, что голова закружилась, а перед глазами накренился горизонт. Такого предательства от тела я не помнил со своего первого оборота.

Глава 02

ОНИКСИМ

Я привел ее к себе в дом, хоть и жил не один, а с мелким волчонком Степой. Детеныша я жалел, ведь сирота полный, старался спуску не давать, чтобы тот не научился своей слезливой историей преференции себе в стае выбивать, но и не ругал сильно, когда нашкодит. В общем, изображал наставника, а на лето выделял средства из своего небедного кармана на хороший детский волчий лагерь, чтобы он с остальной мелкотней мог отдохнуть со своими ровесниками.

Ярослава стояла в коридоре. Аккуратно снятые кеды она поставила рядом с собой, дожидаясь хозяина. Я не спешил забирать девушку на кухню, тихо наблюдая за ней из своего укрытия между арками. Ярослава вытянулась в струну и почти незаметно поворачивала голову, чтобы уловить звуки дома. Ретривер сидел послушно рядом и спокойно ждал, пока я выйду из своего темного угла.

Я и вышел. Почти бесшумно приблизился и замер около Ярославы, изучая ее лицо.

– Откуда у тебя шрам на губе?

Шрам был совсем незаметный – тонкая белесая полоска с левого края под пухлой нижней губой. На самой губе уже давно все зажило, но я волк наблюдательный. От меня такие

мелочи не спрячешь.

Ярослава вздрогнула, осознав, насколько я близко стою рядом с ней, а потом замерла, когда мои теплые пальцы коснулись нежной кожи губы. Я дотронулся неосознанно, потянулся из-за желания разглядеть лучше, почувствовать шрам, но кожа оказалась мягкой.

Зверь внутри заворочался, требуя ласки. И я отпрянул, как кипятком обжегся.

– Так что с губой?

– Ударилась, – соврала Ярослава.

– И кто ударил?

– Говорю же, ударилась.

Я взял ее за предплечье и повел на кухню, посадил на мягкий стул за столом и принялся делать чай. Наказания за нарушение границ волчьей территории как-то отошли на второй план, теперь захотелось выяснить, почему девушка врала.

– Зачем меня обманываешь? Я же не слепой. – Последние слова вырвались необдуманно, и я раздраженно клацнул зубами. – Прости, я не хотел тебя задеть, но шрамов я рассмотрелся. Этот тебе поставили.

Ярослава вздернула подбородок, стараясь показать свою уверенность, которой я ни на грамм не чувствовал, и ответила:

– Я бы хотела закрыть эту тему. Ударили или ударилась – не имеет значения. Это мои проблемы. Скажите, как будете

наказывать за нарушение границ, я постараюсь вернуть долг полностью.

Я зарычал, напугав Ярославу. Та вжалась в спинку стула и сглотнула. Страх девушки и отрезвил, вернул разум, но злость никуда не подевалась. Не мое дело! А чье?

«А чье?» – повторил я сам себе и замер. На самом деле, и правда не мое. Я девушку первый раз сегодня увидел.

«Значит, судьба. И теперь я за нее отвечаю – примет она это или нет», – подтвердил Зверь внутри, больно поцарапав грудину.

Пара.

Сомнений не было.

– Хорошо, – спокойно и тихо протянул я, – будет тебе наказание. Будешь волчонку моему помогать.

– Волчонку? – напряженно переспросила Ярослава.

– Да, шкет тут один есть. Степа зовут. Лоботряс и лентяй. Завтра возвращается. Будешь с ним до сентября заниматься.

– Вы в своем уме! – взвилась девушка. – Как до сентября?! Какой ребенок?! Я же слепая с собакой-поводырем. Что вы за безответственный отец?! – И так трогательно поджала губы, что я не удержался и оскалился. Смысл гневной отповеди дошел до меня с опозданием.

– Я не отец ему. Ну, я... Наставник. Он сирота. Ему компания нужна, чтобы поговорить, обсудить что-то, а у меня времени нет. Поэтому поможешь ты. Вот твое наказание, – припечатал я, удивляясь, зачем вывалил всю эту сентимен-

тальность, будто оправдывался за свой приказ. Просил о помощи.

– Хорошо, – более дружелюбно ответила Ярослава. – Я постараюсь. Скажите, когда приходите.

– Приходите? – удивился я. – Ты здесь жить будешь. Твоим сообщим, про нарушение они знают о правилах, так что тут и обсуждать нечего.

На самом деле наказание было одно – стирание памяти клановым магом и выселение навсегда. Но мага в их стае не было, поэтому кто попадал на Волчью улицу, то на ней и оставались. Навсегда. Но я не стал пугать девушку заранее. Пусть привыкает...

Я посмотрел, как мило поднялись от удивления бровки из-под темных очков, и мне вдруг захотелось узнать, какого цвета у Ярославы глаза.

– Сними очки.

Она поджала губы, и я понял, что та ответит отказом.

– Нет.

– Почему?

– Потому что это личное.

Вот так одной фразой меня поставили на место. Я сжал кулаки и постарался успокоиться. Раньше мне дела не было до людей, а теперь на задние лапы готов встать, чтобы добиться расположения какого-то человека.

– Пойдем, я провожу тебя до твоей комнаты. Собаку свою не забудь.

Ретривер замахал хвостом, глядя на меня, и побежал следом за хозяйкой. Я разместил девушку в гостевой на первом этаже, рядом с кухней и ванной. Аккуратно провел ее, помог освоиться в комнате. Ярослава сообщила все данные ее семьи, и я неприятно удивился, что девушка жила у Выстроцких. Я уже не первый год уговаривал Быстрого исключить их из списка проживающих – семья явно была замешана в грязных делах, но схватить за руку мне не удавалось. Может, на Ярославу надавить? Она хоть и слепая, но не глухая же!

– Слушай, а почему ты у Выстроцких живешь?

Ярослава опустила голову, явно не желая откровенничать с посторонним, но понимала, что я не из праздного любопытства спрашивал:

– У меня родители погибли весной. Они единственная родня, а я стала недееспособной, хоть и совершеннолетняя.

Грустная улыбка Ярославы сказала о многом.

– Кто поставил тебе шрам на губе? – повторил мучивший меня вопрос.

– Игорь, – еле слышно ответила Ярослава.

«Значит, их сын».

– Причина? – как на допросе сыпал я, но Зверь рычал и скреб, желая докопаться до правды.

Ярослава чувствовала злое нетерпение, вжимаясь в глубокое кресло около кровати, но бежать ей было некуда. Уже некуда.

Зверь внутри радостно оскалился.

Моя!

– Мы не сошлись в понимании отношений между братом и сестрой.

Я навис над ней, опершись сильными руками в подлокотники.

– И как Игорь видит ваши отношения? – Я и так знал, что ответит мне Ярослава. Видел я Игоря, и не раз, чтобы понять, насколько тот был гнилой мразью.

– Он пристает ко мне... в сексуальном плане, – сдавленно выдавила Ярослава и сгорбилась под тяжестью неприглядных грязных слов. Я весь затрясся от гнева. Сегодня же потребую от Быстрого выкинуть эту семейку вон!

«Давай, зверюга! А они заодно и Ярославу прихватят на правах опекунов», – напомнил разум. Единственная возможность освободить от Выстроцких – это ритуал Пары. Он-то хоть сейчас готов. А Ярослава?

«От одного озабоченного к другому», – добавил масла в огонь говорливый рассудок.

Нет. Нужно было защитить девушку иначе.

– Значит, так... ты останешься здесь, пока я не придумаю, как тебя освободить от их опеки. К Выстроцким ты не вернешься.

– Зачем вам это?

Закономерный вопрос.

– Я ненавижу насилие, – честно признался в ответ. – И не допущу его. Здесь ты в безопасности.

Ярослава порывисто выдохнула и прошептала севшим враз голосом:

– Спасибо.

Я улыбнулся, разглядывая подрагивающие губы. Я чувствовала всем нутром, что ее отпустило, она вся будто расслабилась, выпуская страх наружу – пусть разлетится перепуганными воронами.

– Не за что. Это долг любого разумного существа. А теперь ложись спать. Степка рано придет. Высыпайся.

На этих словах я вышел, оставляя дверь приоткрытой.

Глава 03

ЯРОСЛАВА

Я села на кровать и провела рукой по мягкому покрывалу из искусственного меха. В моей комнате не было ни одной дорогой вещи – мои опекуны не видели смысла радовать меня никакими вещами. Действительно, зачем слепой девушке уютное и мягкое покрывало на кровать?!

Я хотела рассмеяться, но вместо этого из горла вырвался всхлип, а глаза намокли от слез. Как же мне сейчас хотелось узнать какого цвета это покрывало! Какие оттенки в этом доме? Каким взглядом смотрел на меня хозяин этого дома?

В нем была жалость?

Конечно, жалость. Кто теперь посмотрит на меня с желанием... Или с любовью....

Я вытерла слезы и упала на покрывало, проведя пальцами по меху, наслаждаясь ощущениями – кожу будто нежно ласкали. Я развернулась и уткнулась лицом в покрывало, вдыхая приятный аромат луговых трав. В этом доме пахло совсем иначе, чем в нашем. В ароматы луга примешивался едва уловимый запах прогретого на солнце дерева и совершенно незнакомый аромат. Аромат хозяина дома.

Я вдохнула глубже и почувствовала спокойствие, которого не ощущала уже слишком давно. Хотелось вернуться в

эти ароматы, раствориться в них и никуда не уходить ни из этой комнаты, ни из этого дома. И впервые мои глаза стали слипаться от усталости – хотелось спать. Я залезла под покрывало и стянула джинсы, а потом и толстовку. Укрылась по самые ушки и крепко заснула, так, как никогда не спала в своей комнате.

И что самое странное – меня совершенно не беспокоило то, что похоже люди, живущие на Волчьей улице не совсем и люди.

Степан и правда прибыл рано к завтраку. Огласил весь дом громким воплем и ворвался в мою, вернее, гостевую комнату, резко замерев около меня. Я успела натянуть джинсы, но вот толстовку – нет, так и осталась в черной простой майке.

– Вау! Какая красавица! – в лоб выпалил Степа и заржал, а я поняла, что глубоко заблуждалась по поводу развития десятилетних. Голос у мальчишки был звонкий, но я так и представила, какая шкодная у того мордаха. – Значит, вот почему Черный меня в «тюрьму» отправил. Чтобы вы тут шпили-вили...

Договорить ему не дал звонкий подзатыльник.

– Степан, а ну, марш в ванную мыться. Потом придешь завтракать и познакомишься культурно со своим репетитором.

Мальчишка по-волчьи завыл, но послушно ушел – я услы-

шала громкий стук двери в ванную, которая была совсем рядом с выделенной мне комнатой.

Ониксим отвел меня на кухню, галантно положив мою руку на свою. И там я помогла приготовить завтрак, смешивая омлет, аккуратно собирая бутерброды. Делала я это проворно и умело, привычными будничными жестами. Голод очень быстро заставляет адаптироваться, а мои опекуны (не хочу называть их родней) создавали видимость заботы только для моего адвоката, да соц. служб, которых он тайно отправлял к нам на проверки. Вот поэтому бутерброды я научилась собирать очень быстро.

Вскоре вернулся и маленький ураган. Сел с явным показным смирением, лишь чавканье доносилось с другого края стола.

– Степ, ты опозорить меня хочешь? – рыкнул на него недовольно Ониксим.

– Извините, – пристыженно ответил мальчишка и продолжил кушать без чавканья и посторонних звуков.

Когда хозяин дома налил всем чай, Степа решился задать вертящийся на языке вопрос:

– А почему мой репетитор в очках? Она что, слепая?

– Слепая, – ответила я и улыбнулась. Это раньше мне было страшно произнести это слово, что перечеркнуло всю мою жизнь. А сейчас... сейчас я уже привыкла. – Меня Ярослава зовут, а тебя?

– Степан. А как же ты меня проверять будешь?

Тут уже вмешался в разговор хозяин дома. Голос у него был низкий, с рычащими нотами, но все равно очень приятный:

– Яра с нами поживет. Будете друг за другом присматривать, пока меня нет. Справишься?

Степа только прыснул со смеху:

– Мне же не три годика, я уже взрослый.

– Взрослый он... – проворчал Оникисим. – Чтобы взрослым стать, надо Поступок совершить. А ты пока умеешь только одежду рвать, да котов пугать второй формой.

– Ничего я не рву, оно само, – обиженно промямлил Степка и вылез из-за стола. – И нечего мне волосы поправлять своей лапищей, я и сам могу причесаться. – Последнее он явно говорил для меня, чтобы я понимала, что они делают, когда я не слышу звуков. Значит, мальчик на самом деле добрый и заботливый, а вредничает только из упрямства перед своим опекуном.

Как же хорошо, что у Степы был такой зрелый и умный опекун. Почти отец.

– Угу, – немного устало подтвердил Оникисим и обратился ко мне: – Я в пять уже вернусь. Степан, ты ни шагу из дома. Занимаешься литературой.

– А что будет делать Ярослава? – проныл ребенок.

– Следить за тобой, – ответил грозно хозяин дома.

Когда машина Ониксима выехала за ворота, Степа подошел ко мне, взял за руку и тяжело вздохнул:

– Пошли в мою комнату, что ли. Будешь за мной «следить».

Я улыбнулась и сжала его руку в ответ, чтобы Степа отвел меня в свою комнату.

Там он меня усадил в удобное кресло, в котором оказалась книга, на которую я благополучно села, и почти сразу подскочила, чтобы достать предмет. Степа извинился, заметался по комнате, явно прибирая оставленные на полу вещи, а потом плюхнулся рядом со мной на кровать.

Он долго молчал, а я ощущала, как он меня разглядывает. Обычно я ужасно не любила, когда на меня так откровенно пялятся, но мальчик раздражения не вызывал.

– Могу повернуться в профиль, – пошутила я.

– Не надо, – буркнул он как-то виновато, но в голос все-таки добавил веселости, – я уже насмотрелся. Так ты, значит, зазноба нашего Черного. И давно вы вместе? Собака твоя вон как уже привыкла к нему.

– Ой, – вырвалось у меня, когда я осознала, что совершенно забыла о собственном псе со всеми этими событиями. Балбеска! – Где Джой? Он внизу? Я же его не покормила! – затараторила я, но Степа уверенно меня остановил, положив свою ладошку на мою руку.

– Успокойся, женщина. Черный его уже покормил и выгулял. Отдыхает твой Джой около дома на террасе.

Я вдруг поняла, что Степа Ониксима только Черным называет. Не по имени. Может, у них нельзя по имени? А за-

чем он тогда мне представился?

– Спасибо, – прошептала я, и не дав мальчишке вставить и слова, сразу же спросила: – А почему ты его не по имени зовешь?

Степа явно завис, потому что долго ничего не говорил, а потом его, как прорвало:

– Да он же Черный! Кто его в своем уме по имени станет называть. И шкура у него такая же черная. И вообще, он же правая рука нашего вожака, настоящий Цербер, судья над всеми. Кто правила нарушит, тому голову отгрызет. Ха, по имени его звать... Так нельзя же. Вот Пара может. Да, Пара вообще все почти может. Даже поругать. И ничего Зверь ей не сделает. Вот так-то! Так что только ты его Ониксимом и можешь звать.

– Да не пара мы никакая, – вспыхнула я, наконец-то осознав, к чему Степка все свел. – Да с чего ты взял? Я просто наказание тут свое отбываю за нарушение границ. А вы... действительно оборотни? – договаривала я свой вопрос через силу, сама себе поражаясь, что сказала такое вслух. Да как такое может быть?! Хотя в Ониксима я чувствовала огромную силу. Нечеловеческую.

Степа громко фыркнул. Совсем как Джой, когда в нос падала вода, и сказал:

– Конечно! Причем ни какие-нибудь псы, а чистокровные волки. И входим в одну из сильных стай! Так что ты теперь здесь навсегда. И свой клык готов дать, что Пара ты Черно-

му! Он никогда за всю мою жизнь с ним женщину сюда не приводил. Ха, наказание она тут отбывает. Это я тут наказание отбываю, а не ты! Живу как в строгом лагере. Ладно, заболтался я с тобой, женщина. Давай литературой займемся. Я тебе вслух буду читать то, что мне на лето задали, а ты потом поможешь мне выводы для учителя написать.

Выводы мы писали долго. Степа оказался таким вдумчивым и разговорчивым мальчишкой, что мы с ним обсудили прочитанное, потом все любимые книги, друзей в школе, девочек и, конечно, Ониксима. Степа мне поведал всю биографию Черного, правой руки вожака и местного завидного жениха, хотя как он выразился сам – «котовидного».

– Почему «котовидного»? – рассмеялась я. В голове сразу вспыхнули ощущения его сильной жилистой руки, за которую я так спокойно бралась при любом удобном случае. И чем дольше я находилась в доме, тем сильнее начала ощущать какое-то томление. Тоску. Родителей я оплакивала до сих пор, но там давно поселилась грусть, а тут словно каждый день что-то изнутри вырывали. Пока только легонечко, но что же со мной будет, когда эти чувства усилятся?!

И откуда они?

– Потому что характер у него, хуже, чем у кота, – пояснил мне непонятливой Степа. – Собственник, хотя это у всех волков, – поправил он себя, но продолжил перечислять список: – Злопамятный, любит вкусно поесть, а в вы-

ходные – поспать, еще Черный очень гибкий, реально как кот. Но он волк! – тут же строго договорил Степа. – Так что ты тут глазки никому не строй. Потом вдвоем же огребем.

Я залилась хохотом, представив, как строю кому-то глазки в своих солнцезащитных очках. Мне так нравилось, что Степа совершенно, вот просто категорически, не воспринимал меня ни слепой, ни тем более инвалидом, а разговаривал как с невестой своего отчима. Учил нерадивую женщину уму-разуму. Это было так смешно, так по-детски прямолинейно, и так уютно, что я вытянула руки, задев ими плечи мальчика и притянула к себе, крепко обняв. Он на секунду замолчал, а потом обнял меня в ответ.

– И вот такие нежности ты тоже поумерь. Только меня так можешь обнимать. Ну после твоей Пары, – назидательно сказал Степа.

– Охохонюшки, Степан Чернович, как же я без вас жила-то? Без вашей вселенской мудрости-то? Вон, один день знакомы, а вы мне уже и жениха нашли, и личную жизнь устроили, – протянула я мелодично на манер сказителя. Но Степан оказался кремень – не засмеялся в ответ, а не менее поучительно ответил:

– Слушай меня, женщина, и будет тебе счастье в виде нашего «котовидного».

Я выпустила мальчишку из объятий, улыбка еще оставалась на моих губах, но свой тон я постаралась сделать серьезным:

– Степа, скажи честно, со мной ничего не сделают?

Шутки шутками про оборотней и их Пары, но здесь я оказалась за нарушение границ, а теперь еще стала обладательницей тайной информации. По-моему, проще меня было под елкой закопать и проблем нет. В оборотней, что могут перекидываться в волков, я не верила, но вот в то, что с проживающими в этой части поселка что-то не так, верила охотно. От Ониксима и правда шла властная аура, как от огромного зверя, который может в любой момент сломать тебе шею. Да и озорной Степа был слишком сильным для десятилетнего мальчишки.

Он не отвечал чуть дольше обычного, а потом коснулся моей руки и уверенно сказал:

– Яра, я тебя в обиду никому не дам. Не бойся. Ты же будущий член нашей семьи.

«Ну хоть не Пара», – подумала я, а потом же сама себя одернула: – «Какой еще – «будущий член их семьи»?!

Внизу послышался звук дверного звонка, и Степа сразу же побежал к окну, постучал по нему, привлекая чье-то внимание и явно что-то показывая гостю, а потом снова подошел ко мне, коснулся руки и попросил:

– Я сейчас спроважу любопытных и вернусь. Посиди здесь.

И умчался вниз по лестнице. Внизу же послышался звук открывания замков, радостный лай Джоя, который уже поприветствовал гостя и Степино недовольное: «Спит она».

А следом и женский смех. Внизу оказалось несколько женщин.

– Вот держи обед, – сказала женщина с приятным ласковым голосом. – Если что-то нужно – номера наши знаешь. Черный попросил вас подкармливать несколько дней, пока режим не разработаете. Хорошо, Степан?

– Да и без вашей помощи поесть можем, – пробурчал Степка. – Знаю я, зачем вы пришли, любопытные сороки.

– Ну, Степка-песий сын, ты как со взрослыми разговариваешь!

– Мирослава, не кипятись, он же свою территорию защищает, – снова услышала я приятный голос. – Хорошо, Степан. Сами так сами. С Черным сам переговори, хорошо?

– Хорошо, Варвара, – серьезно ответил Степа. – Хорошего дня, дамы. – И захлопнул дверь, впустив внутрь радостного Джоя.

Когда он вернулся в свою комнату, чтобы отвести меня вниз на кухню, я не стала спрашивать, кто же приходил к нам. Раз он говорить не хочет, то и я выпытывать не буду.

После обеда мы поиграли во дворе с Джоем. Съели вкусный кусок принесенного пирога с чаем на полдник. А в пять минут шестого приехал Ониксим.

Глава 04

ОНИКСИМ

Как только я вошел, то сразу ощутил, что атмосфера в доме резко изменилась. Я раньше посмеивался над своими волками, как они соловьем заливались, что теперь только с Парой хорошо. Как же замечательно! Дома прямо воздух другой. Я кивал, мол, да-да, верю я в ваши сказки, хотя прекрасно понимал, что у них в одном месте свербит, вот и ползают на брюхе, чтобы от тела не отлучали. А уж по ночам эти псы только и старались, чтобы побыстрее оплодотворить своих молодых жен.

Быстрее укрепить связь через потомство.

Никакой импровизации – одни голые инстинкты. Сам такой же. Но меня это бесило. И Пары я недолюбливал.

А вот вошел в дом и завис от волнующего аромата. Тонкий, легкий... лесной аромат черники. Именно той темной ягодки, что созревала летом в тени сосен, отчего напитывалась сосновой свежестью.

Как же мне захотелось ощутить во рту горсть черники! Насладиться ее сладковатым вкусом. И представить под собой виновницу этой жажды.

Яра дурманила. Яра притягивала. Яра начинала слишком сильно влиять на меня.

Я сжал кулаки, остановив оборот – эмоции вышли из-под контроля, и клыки оцарапали нижнюю губу. В последнюю минуту я успел успокоиться, чтобы влетевший в коридор Степка ничего не заметил.

– А мы ужин готовим, – выпалил волчонок без приветствия, но заметив, что я сощурил глаза, быстро исправился: – Добрый вечер, наставник.

– Добрый-добрый. Какой еще ужин. Я же звонил Варваре, чтобы она еды принесла.

Степа смешно нахмурил брови.

– Пришла с целой делегацией твоя Варвара. Мы и сами можем справиться. Не надо никому звонить, – обиженно пробубнил Степа. Волк растет. Инстинкты собственника лезут наружу быстрее волчьего хвоста. Как бы нам через пару недель друг другу глотки не перегрызть из-за Ярославы. Я-то понятно – крыша капитально протечет. В мой адрес даже Быстрый уже начал шуточки отпускать. Но этот неужели в Ярославе духовную маму решил признать? Отца во мне признавать не хочет, а девицу незнакомую – пожалуйста.

Я рыкнул в ответ, моментально прекращая любой спор.

– Без твоих зеленых соплей решу, кому мне надо звонить, а кому – нет.

Степка нахохлился, тонкие светлые волосики на загривке вздыбились, но обиду на меня прожевал и проглотил.

Подрастет – все в лицо выплюнет. Я уже морально подготовился. Только обидой жгло! Прямо до костей. Не умею я

с детьми общаться. И никогда не умел. Сам сирота. Только благодаря Быстрому чего-то и достиг в стае. А так прибился бы к московским шестеркам.

От недобрых мыслей отвлек все тот же ласковый аромат черники, что пробивался через запахи жареного мяса и яблочного пирога. Я еще раз втянул его носом и пошел мыть руки.

На кухне меня ждал вкусный ужин: жареная картошка, кривые бутерброды с бужениной, овощной салат и запеченный цыпленок. Ярослава сидела за столом и скромно улыбалась. Ждала моей реакции. Глупышка, как я могу среагировать как-то иначе, чем встать перед ней на колени и обнять ее ноги, положить голову на колени и дожждаться ласки от ее рук. Зверь во мне скребся и тихо выл, чтобы я позволил так и сделать.

Но человек во мне слишком хорошо знал, как коварны люди, поэтому я просто сел за стол и спокойно сказал:

– Выглядит очень аппетитно. Есть хочу зверски.

– Приятного аппетита, – улыбнулась Яра. – Мне Степа помогал готовить, мы старались сделать все съедобно, – улыбка у нее стала шире. Я не удержался, и сам заулыбался, а потом заметил, как и Степа лучится от радости. Мальчишка с ним так не расслаблялся никогда, а тут прямо расцвел ребенок.

Это задевало и где-то в глубине души вызывало ревность. Мне хотелось, чтобы Степан меня признал. Не как отца – об этом я и не мечтал, – но хотя бы как близкого. Я откусил

от куриной ноги большой кусок и принялся жевать. Вот правильно, лучше есть и молчать, чем нечаянно сказать совсем не то, что хотелось бы.

Так и доели ужин по-семейному тихо, только за ушами трещало.

А потом как-то так и повелось: общие завтраки с шутками Степки и моим суровым баритоном, крепкая хватка волчонка за руку Ярославы, чтобы отвести ее в комнату, разговоры про людей и волков, чтение вслух вечерами, прогулки с Джоем, обеды, на которые я приезжал почти каждый день, за которыми мальчишка разбалтывал все мои «секреты», и ужины в спокойной обстановке втроем.

Словно настоящая семья.

Я стал замечать, как хочу быстрее закончить дела и рвануть домой, как думаю, что сегодня приготовить и какой помощью нагрузить Яру, которая участвовала в нашей скучной семейной жизни со Степкой с большим удовольствием.

Вскоре она перестала носить очки дома, и я наконец-то узнал цвет ее глаз – голубой в утренней дымке. Степка называл ее эльфийской принцессой, и ведь не погрешил против истины. Ярослава действительно была до рези в глазах солнечной и воздушной.

Но по ночам я слышал, как она тяжело дышит во сне и мечется по кровати. В такие моменты я пулей устремлялся к ее комнате, но замирал на пороге, будто там пуд соли рассыпали, не давая пройти такой нечисти, как я.

«А если я напугаю ее больше? А если страхи ее из-за нас, волков? А если...»

Я мог до бесконечности перечислять все возможные причины, из-за которых боялся войти в комнату, как однажды, спустя где-то месяц нашего совместного проживания у них Ярославы, ко мне не спустился Степка. Волчонок выглядел сердитым, аж глазки желтизной блестели в темноте, выдавая в нем древнюю проклятую кровь настоящего вервольфа.

– Чего не заходишь? Нравится слушать, как она мучается?

Я оскалился, показывая, что еще чуть-чуть – и Степа перейдет черту, но тот ощетинился, светлые волосенки на загривке встали дыбом, а потом он меня укусил за руку до крови.

– Ах ты, щенок непослушный! – прорычал я и выдернул руку, зло уставившись на приемного сына, и хотел договорить, но дверь в комнату распахнулась, а на пороге замерла полуголая Яра, а в ногах у нее встал Джой.

– Что случилось? – хриловатым ото сна голосом спросила она у меня, и я бы и рад ответить, но взгляд так и приклеился к желтым трусикам, которые кокетливо открывали линию стройных бедер, еле-еле прикрытые моей же футболкой, которую я отдал Яре для сна еще в первый день, но несмотря на то, что мой помощник забрал ее вещи у Выстроцких. И глядя на эту эро-фантазию, я сглотнул и открыл рот, чтобы ответить, но мелкий меня опередил:

– Яра, Ярочка! – слезливо проныл десятилетний актер. –

Помоги! Я Ониксиму руку прокусил... нечаянно. Испугался.

Ярослава молча схватила меня за руку, угадав с первого раза какая, и нежно огладила пальцами, ища рану, а когда нашла, также молча повела в ванную. Степа уже не «плакал», довольно улыбаясь, а напоследок показал язык и ускакал к себе в комнату, забирая с собой Джоя.

Я же шел за Ярославой, как на эшафот, не в силах отвести взгляд от милого рисунка на трусиках и от слишком (слишком!) аппетитной задницы, по которой я так и хотел провести языком.

Пары вервольфа и человека не осуждались, хоть и не всегда приносили потомство, но Зверь должен быть спокоен, остальное значения не имело. А кто еще может подарить такой покой и счастье, как не любимая Пара?! Но, идя послушно следом, я сомневался, что Яра когда-либо подарит мне эту пресловутую гармонию, она будила в моем Звере такие мысли и такие желания, что я отчетливо понимал – человек Ярослава никогда не согласится быть Парой моего Зверя. Но какая ведь злобная Судьба у вервольфов?! Заставит полюбить ту, кто ничего к тебе не чувствует.

«Зато ты за двоих стараешься. Вон уже колом стоит», – огрызнулся я про себя и попытался успокоиться: не хватало еще, чтобы Яра заметила.

В ванной я постарался прижаться к большой раковине, усадив на край ванны Ярославу, но та сразу потребовала дать ей руку, как только услышала, как я выключил воду. Тонкие

длинные пальцы нежно прошлись по запястью, обвили его легонько, подушечки пальцев ощупали рану. Сердце у меня бухало уже в горле, пытаюсь выпрыгнуть наружу, прямо в эти нежные пальцы. Клыки стали удлиняться, вытягивая за собой остатки здравомыслия.

– Достаньте, пожалуйста, хранитель и бинт. Я сейчас работаю...

Ярослава не договорила, будто почувствовав повисшее душливым ароматом напряжение. Она замерла, но мое чутье уже кричало, что Яра возбуждается: частое дыхание, приоткрытые губы, пульс, что так лихорадочно бьется в жилке на шее под тонкой кожей. И настолько нежной, что ее нестерпимо хотелось попробовать на вкус.

Я очнулся от чужого судорожного вдоха. Яра была сдавлена в моих объятиях, а губы мягко касались нежной кожи за ухом. Она не вырывалась, но теперь к запаху возбуждения отчетливо примешался страх. Зверь внутри заворочался, напряжился и прыгнул, не в силах устоять перед такой желанной капитуляцией Пары. Как же это невероятно сладко ощущать! Теплый, пряный аромат желания и острый, мятный аромат страха.

Я тихо зарычал и прижал Яру сильнее, уже грубее целуя ее в шею, облизывая ключицу, покусывая сладкие губы, а потом напористо проникая внутрь языком.

Ярослава постанывала, вцепившись мертвой хваткой в предплечья. Мне на краю сознания показалось, что она от-

талкивала меня, но ведь такого быть не могло! Пара сама признала во мне сильнейшего и лучшего, ведь желать могут только такого волка. Я стащил Яру на пол, оседлав ее сверху, и принялся вылизывать все, что попадалось в поле зрения: торчащие бусинки сосков, родинки, пупок.

Преграду в виде трусиков я преодолел быстро и сразу же стал тереться щекой о низ живота, пытаясь как можно больше впитать в себя этот дурманящий аромат. Ярослава тяжело дышала и мелко дрожала, но не шевелилась, а я только и радовался, вылизывая все, что хотел.

Вскоре мне захотелось большего, и я прошелся языком по нежным складкам, смакуя такой сладкий вкус Пары. Зверь внутри ликовал от счастья, желая вывернуться наизнанку, но доставить удовольствие, и я старался, вытягивал душу из Ярославы. Она тихо стонала, выгибаясь, а вскоре и кончила, как-то обмякнув.

– Ярушка, моя хорошая, – начал шептать я, но осекся, увидев, что Ярослава потеряла сознание, а нижняя губа кровит. И в одну секунду меня выкинуло в лютую зимнюю стужу, Зверь завыл от боли, пелена бесконтрольного желания спала. Сразу вспомнились и руки Яры, которые отталкивали, и тихие всхлипы, когда я оседлал ее, придавив своим немалым весом, и напряженная поза, когда я вылизывал ее.

Я же, кусок собачьего дерьма, просто накинулся на нее! Ничего даже не сказал, не прошептал на ухо о том, как она бесценна для меня, а просто диким волком принялся метить

любимое тело.

В горле пересохло, и я попытался сглотнуть вязкую слюну, в которой еще ощущался терпкий привкус Яры.

Стало только хуже.

Я бережно поднял ее, отнес в спальню, одел в новое белье и укрыл, как укрывал Степку, и тихо вышел за дверь.

«Бежать», – крутилась единственная мысль в моей голове. Бежать в лес. Кинуться в овраг и сломать себе шею, раз держит такую дурную голову. Глаза мерцали желтым в темноте дома, Зверь выл и просился в лес, чтобы зализать раны на сердце, успокоиться немного, но я все не мог отойти от двери в комнату. Уже спящей Ярославы. В итоге вернулся обратно, да так и сел на пол у ее кровати.

Утром меня подбросило. Я в испуге открыл глаза и понял, что сижу на полу, укрытый пледом. Ярослава уже не спала, а сидела тихо в кровати и слушала что-то в наушниках. Она почувствовала движение рядом и вынула капли из ушей, прислушиваясь к звукам в комнате.

– Ониксим, – позвала она меня по имени. Голос у нее был спокойный и мягкий, отчего ночная выходка придавила внутри каменной глыбой. Весь кислород, сука, выдавила, и я судорожно вдохнул.

– Не уходи, пожалуйста. Догнать я тебя не смогу. – Ярослава улыбнулась и протянула руку.

Я сглотнул и замер – меня не выгоняли, не игнорировали зло, не обвиняли. Со мной хотели поговорить.

– Не уйду, – пробасил я и сел на кровать, хватаясь за протянутую руку, словно утопающий. Хотелось вдруг зарычать и сказать «никогда», но я себя одернул – эти волчьи замашки и так пугают, а уж такие заверения точно окажут противоположный эффект на обычного человека. Ярослава сидела тихо и держалась за руку, не шевелясь, не ерзая нервно, была удивительно спокойна.

Я смотрел на нее во все глаза и боялся вздохнуть, чтобы рукой нечаянно не шевельнуть, мало ли, Яра решит, что мне неудобно, и отпустит мою руку, а я уже не смогу попросить взять меня снова за пальцы, чтобы не докучать, не навязываться. Не объяснишь же в двух словах, что ради Пары я кожу заживо буду сдирать, если нужно будет. Это ведь не любовь, это связь духовная. Навсегда.

– Я мало знаю о волках. – Яра нервно закусила нижнюю губу, но продолжила: – Да почти ничего. Страх у меня есть, но лишь от незнания. Сколько живу в поселке, только хорошее слышала о вас, а еще что вы очень строго соблюдаете законы и в касту свою чужаков не впускаете. – Голос ее становился тише. – А у меня с тобой договор на определенный срок, и... – Ярослава замолчала, подбирая слова. Я видел, чувствовал, как тяжело ей сейчас говорить. – И ты мне очень нравишься, хотя я даже не трогала твоего лица, но «курортный роман» заводить не хочу.

– «Курортный роман»? – растерявшись, спросил я. Где-то на подкорке я примерно понимал, о чем говорит Яра, но

хотел не домысливать, а знать точно.

– Краткосрочные отношения, – тихо ответила Ярослава и сжала губы в линию. Я слышал заполошный стук ее сердца, и так больно тянуло свое при этом, что сил сдерживаться уже не было. Я рыкнул и быстро оказался около Ярославы, целуя эту сжатую линию губ.

– Не надо, не делай так, мне очень больно видеть твою тревогу, – шептал я в перерывах между поцелуями. – Ярушка, никаких краткосрочных отношений. Ты моя драгоценная Пара. Прости, но я никому тебя не отдам, даже если сама попросишь. Я не смогу.

Я поднял дрожащие руки Яры и положил на свое лицо. Тонкие пальцы нежно и аккуратно прошлись по всем выступающим участкам, а потом вернулись на скулы.

– Ты очень красивый, – прошептала Яра, но я лишь улыбнулся и ответил так же тихо:

– Это ты очень красивая, моя Ярушка!

Почему-то говорить громче не хотелось, только шептать, чтобы сидеть вот так рядышком и не отодвигаться, вслушиваться в каждое слово и наслаждаться близостью. Кто-то из стаи говорил, что от Пары сносит крышу и на уме лишь секс, чтобы пометить, присвоить – Зверь вырывается на свободу. Но у меня все было иначе. Мой Зверь хотел быть рядом, свернуться калачиком и оберегать, слышать эти размеренные вдохи и выдохи. И шептаться, рассматривая любимое лицо. Яра, несомненно, чувствовала мой взгляд, по-

этому слегка опускала лицо, чтобы уйти от жадного взгляда влюбленного вервольфа.

– Прости меня за вчерашнее. Я напугал тебя?

Яра кивнула, сглотнула, но сказала прямо:

– Меня напугал не ты сам, а воспоминания. Ко мне часто приставали, когда я еще видеть могла, а уж потом нападки участились. Раз слепая, значит, плевать с кем. А мне не плевать, я хочу своего человека найти. Или волка, – добавила, застеснявшись собственной прямолинейности, Ярослава, а потом как-то погрустнела: – Жаль, что слова не все понимают.

Сразу вспомнился тот разговор про Игоря, и я зарычал тихо от ненависти к этой мрази. Беспомощных нужно оберегать, раз сила тебе такая дана и возможности, каждый волк с рождения это правило знает, но у людей все не так. Человек – ошибка природы, все в нем есть, а душа только у каждого десятого почему-то. И вечно на какие-то животные инстинкты кивают, совершив злодеяние. Да будто есть у них эти инстинкты! Были бы, то о родителях заботились и детей своих любили.

Яра ласково провела по моим волосам, успокаивая взбаламученное дно моей памяти, но я уверенно сказал:

– Больше ты Выстроцких не встретишь. Уж я все связи подниму, но их из поселка выставлю. Давно пора их убрать, а теперь, когда ты сможешь стать моей официальной Парой, то и опека их закончится. Ты же станешь? – почти скуля,

спросил я.

Ярослава замерла, подбирая слова:

– А если... если я откажусь, что тогда будет?

Я окаменел и глухо ответил правду, что уж ее скрывать:

– Я умру без тебя.

И уже приготовился к неверию, к снисходительной улыбке, от которой будет тошно – люди не верят словам, а у волков только они и есть, чтобы попробовать рассказать, как все внутри горит и плавится от близости со своей Парой. И как это смертельно мучительно потерять ее.

Но Ярослава схватила за меня, навалилась, залезая на колени, и прижалась со всей силой к моей груди.

– И я умру, – всхлипнула она. – Потому что не представляю, как без тебя теперь жить буду. Без Степы. Ты мне настоящий дом подарил. Взял и впустил в свое логово. Отогрел. Как к равной относился. Я каждый прожитый день ненавидела, что он проходит так быстро, приближая меня к сентябрю. Ты невероятный...

Я впился в губы Яры. Нежно, а по-волчьи грубо, присваивая. Даже если Ярослава только влюбилась в образ, в ее мечты об идеальном мужчине, то ничто не помешает мне им стать. С человеческой Парой это был единственный плюс. У волков любишь-не-любишь, но раз Луна свела, то уживайтесь, ищите общую тропу. А человек чист, как первый снег, с ним можно свою собственную тропу протаптывать, лаской и заботой взрастить и укрепить любую симпатию, чутье под-

скажет, Зверь почует направление.

Поэтому я залюблю свою Ярушку в прямом и душевном смысле. Вот прямо сейчас и начну...

Дверь с грохотом отворилась, и в комнату влетел Степка с Джоем. Швырнул в нас сорванные в саду лепестки распустившихся цветов и радостно прокричал:

– Пусть ваша Луна всегда будет полной, дети мои, – повторил слова волчьих шаманов, что те произносили на брачных ритуалах, а потом запрыгнул в кровать и захохотал, радуясь то ли своей проделке, то ли за своего Наставника и его Пару.

Я даже не рыкнул, улыбнувшись доброй выходке, и помог Яре снять с волос лепестки.

– Я надеюсь, ты не все кусты общипал, мелкий троглодит? И стучать я тебя не учил? Ты у меня дикий лесной бродяжка, а не стайный волк?

Степка насупился и молча принялся помогать собирать им же и брошенные лепестки.

– А какого они цвета? – вдруг спросила Яра, держа в пальцах один такой снятый с волос.

– Белые, конечно, – деловито ответил Степа. – За розовые кусты меня бы выдрали, а эти можно. Ай, не бей по голове. Дурачком стану!

– Уже, видимо, долупил до твоей дурости, – пробасил я. – Чтобы стучал, прежде чем войти. А теперь марш отсюда. И Джоя оставь.

Степка насупился, но в дверях посмотрел на меня и хули-

гански поиграл бровями. Я ему показал звериный оскал, и мальчонку сдуло в момент. Он будто чувствовал, когда нужно остановиться, не пересекая опасную черту, за которой его Наставник превратится в настоящего вервольфа.

Яра улыбалась, сжимая в одной руке лепесток, а другой поглаживая Джоя, который ластился к хозяйке.

– Кстати о Джое, – спросил я. – А почему он у тебя так плохо обучен? Спокойно свою хозяйку бросает, играет с тобой, как со зрячей?

– А он и не поводырь, – ответила Яра, почесывая за ухом ретривера. – Я его забрала к себе из приюта, когда еще видела. Он никого не подпускал, а меня подпустил. Родители против были, но он меня слушался, поэтому долго не противились. Не представляю, что с ним прежние владельцы делали, ведь такую породу семейные пары заводят, но люди очень безответственные. А когда зрение потеряла, так Джой стал единственной опорой.

Я снова сел совсем рядом, положил голову на плечо, слушая спокойный голос любимой. Безответственность – это очень мягкое определение для некоторых...

– Ярушка, а как случилось, что ты зрение потеряла? И что у тебя с образованием? В общем, чем я тебе помочь могу? – посыпал я вопросами, которые давно вертелись на языке. И вроде и не та атмосфера, про ритуал бы лучше рассказал, но я хотел знать о Ярославе все. Хотел помочь всем, чем смогу, а ритуал от нас не убежит в лес. Мне было важно, чтобы она

поделилась со мной своими переживаниями. Сухие строчки доклада о ее жизни я так все выучил.

Ярослава переплела наши пальцы и прислонилась ко мне еще ближе.

– В той аварии и потеряла. Выжила только я, родители на месте скончались. Мы тогда ехали на мое выступление. Я же по классу фортепиано в консерватории обучалась, концерты давала, как подающая надежды пианистка. В Лондон должна была лететь в составе нашей музыкальной группы из студентов. И вот...

Она сильно сжала руку, закрывая лицо второй. Я не шевелился, позволяя побыть с собой в тишине. По себе знал, что никто, кроме себя самого, тебя не соберет. Да, склеит только любящий, а вот собирать себя нужно самому.

– Повреждение левой кисти было слишком сильным, теперь играть могу только для домашних вечеров. А про высшее образование даже и не думала больше. Никто со мной про это не говорил.

Я ласково провел носом по виску и поцеловал за ухом, улыбаясь реакции Ярославы.

– Теперь можешь обо всем говорить, а я постараюсь помочь. Хорошо?

– Хорошо, – выдохнула Яра и сама ткнулась губами в лицо Ониксима, нашла губы и поцеловала.

Я сразу же ответил, прижал, но вскоре отпустил с сожалением – не сейчас. После брачного ритуала я со спокойной

душой увезу Ярославу в хижину и там дам прочувствовать
своего Зверя и его любовь.

А сейчас пора завтракать в кругу своей семьи.

Глава 05

ЯРОСЛАВА

Ониксим чмокнул меня в щеку и сказал, что приготовит завтрак, а затем бесшумно исчез. Как самый настоящий хищник. А я так и осталась сидеть на постели. Впервые после аварии мне нестерпимо захотелось увидеть все то, что меня окружало. Все то, что дарило такое спокойствие.

Сейчас мне даже смешно было вспоминать, как я со страха чуть не описалась прямо там, на дорожке, вслушиваясь в этой низкий и грозный баритон. А теперь, как ни пыталась, не могла расслышать и толики опасности в голосе Ониксима.

Все так изменилось!

И Степка... Озорной, упрямый мальчишка, умный не по годам. Как же он меня опекал, по-своему подражая Ониксиму, забавно и мило, но оказывается, мне ужасно не хватало заботы. Я словно коркой льда покрылась, заморозила себя в одном мгновении, с одними и теми же мыслями, боялась вздохнуть полной грудью, чтобы люди, окружающие меня, не смогли заметить, что их подопечная ожила.

В жизни бы не подумала, что моя тетя окажется такой змеей. Такой лживой двуличной тварью, способной на все ради

денег.

Но теперь все поменяется. Теперь я снова живая и смогу сказать о своей радости. Или боли. Или тревогах, что мучили сердце. Теперь я не одна.

И будто подтверждая мысли, в комнату вбежал Степа.

– Ну что сидишь как приклеенная. Пошли умываться, потом завтракать. Черный там уже третий блин сжег, – со смешком поведал Степа и сразу же крепко сжал в своей ладони мою руку. Отвел в ванную, а потом и на кухню вместе дошли.

Я на самом деле уже ориентировалась в пространстве и могла бы сама дойти до ванной на первом этаже и дальше в кухню, но мне я похоже прирастилась к этой ласковой заботе, и мне совершенно не хотелось разрушать эти приятные каждодневные ритуалы.

После вкусного завтрака (и никто никаких блинов не сжег!) я пила медленными глотками чай с чабрецом и грела пальцы о теплый бок кружки. Хоть за окном было лето, но сегодня намечался дождь, температура упала, и а мои суставы моментально среагировали на изменение погоды. Еще одно напоминание о том, что я хотела бы стереть из памяти.

– Вкусно? – вдруг услышала я тихий голос Ониксима. Судя по звукам, Степа уже ушел, а мы остались одни.

– Очень, – улыбнулась я. Раньше я и представить не могла, что буду ходить перед кем-то без очков, а сейчас о них совсем позабыла. – Где ты научился так готовить?

Ониксим как-то странно хмыкнул, а потом рассмеялся.

– Меня заставила изучить кулинарную книгу Мирослава. Она у нас тут одна из немногочисленных волчиц. Характер хуже, чем у голодного медведя. Я как-то по молодости, глупый был, сказал, что в стае главнее вервольфы – они ведь защитники. А волчицы должны уют дома создавать, еду готовить. Я раньше действительно в это верил. Ну вот Мирослава мне мозги и вправила. Мало того что победила в поединке, так в качестве награды заставила всю кулинарную книгу выучить и месяц готовить завтраки-обеда-ужины. – Тут Ониксим снова расхохотался. – Полная Луна, как же я плакал, когда занимался луком, чтобы картошку пожарить. И потом в подушку подвывал от своей тупости, что не мог понять, когда эти чертовы макароны надо вытаскивать. В общем, излечился я быстро от собственных предубеждений.

– А к людям? – вдруг спросила я вместо того, чтобы вместе посмеяться. С этой Мирославой я решила обязательно познакомиться. Боевая девушка. Волчица! Я еще с трудом принимала новую реальность, где, оказывается, бок о бок с нами жили иные создания.

Ониксим замолчал. Я почувствовала на себе его присталь-

ный взгляд, и почти сразу теплые пальцы, что накрыли мои собственные.

– Не буду врать тебе, Ярушка, с людьми у меня все непросто. За прожитые годы как-то не сложилось ни дружбы, ни доверия. Есть только несколько деловых контактов, да в стае те, кто не подводил, но инстинкты перевешивают. Ничего не могу с собой поделаться, как в прямом смысле носом чую вранье.

– Понимаю, – вздохнула я и сжала пальцы Ониксима, а он поднял мои руки и поцеловал кончики пальцев. – Степа рассказывал мне про Зверя, но у каждого он свой, да?

– Да. И мой хорошо чувствует обман. Поэтому меня не особо любят приглашать на волчьи советы. Порчу я им атмосферу, видите ли, – Ониксим снова засмеялся, а я поддержала. Для меня он был настоящим принцем: благородным, сильным, уверенным в себе.

– Так ты им пирог испеки, задобри, – предложила я, и услышала в ответ залиvistый хохот.

– Представляю, как вытянутся эти надменные волчьи морды, – через смех проговорил Ониксим. – Волки очень консервативные создания. И не у всех есть Мира в стае.

– Познакомь меня с ней.

– А это хорошая идея, Ярушка. Да и не только с ней. Надо вам девичник организовать перед нашим Ритуалом.

Я покраснела, а Ониксим снова поцеловал мои руки.

– Прости, снова тороплюсь. Про Ритуал попозже погово-

рим, а будет не девичник, а девичий совет. Давай так назовем, хорошо?

– Хорошо, – покивала я.

Вот так потихоньку я и стала вливаться в стаю.

Через несколько дней девичий совет состоялся. Ониксим предупредил меня накануне вечером, и я с самого утра начала волноваться, что может поторопилась с такой просьбой. Да еще и Степа подливал масла в огонь:

– И вот зачем ты нашу Яру будешь с этими сороками знакомить?

– А ну ешь кашу, – грозно ответил ему Ониксим. Я слышала, как Степа насупился, шмыгнул носом и принялся чавкать, за что получил снова, и уже ел нормально. А мне стало любопытно, почему Степа так враждебно настроен.

– Степ, а почему ты их сороками называешь?

– Трещат, потому что без умолку, хохочут. Не хочу, чтобы ты такой же стала.

Я не смогла удержать улыбку – Степка же меня ревнует.

– Не переживай, не стану.

– Обещаешь? – спросил Степа, а в голосе послышалась надежда и радость.

– Обещаю! – и протянула ему вытянутый мизинец. Степа за него ухватился своим. – Вот теперь мы скрепили уговор.

– Ониксим, смотри! Наш первый уговор с Ярой, – засмеялся Степка, и совершенно не заметил, как перестал назы-

вать своего приемного отца Черным.

После завтрака я переоделась, заплела волосы в простую косу и вышла в холл. Там меня сразу же словили теплые руки Ониксима, и он притянул к себе, обнял и поцеловал.

– Буду скучать по тебе весь день, – прошептал он мне на ухо и уткнулся носом в изгиб шеи, глубоко вдыхая мой аромат. Я сначала ужасно стеснялась этих проявлений нежности. Не знала, как себя вести, что говорить. Сердце всегда билось как сумасшедшее, а в голове стоял туман из мыслей и слов.

– И я по тебе, – прошептала я Ониксиму и снова получила поцелуй, который прервал Степа.

– Фу, хватит тут телячьи нежности разводить. Я ушел к Савелию. Яру заберу на обратном пути домой, – деловито сказал Степа, завязывая шнурки на кроссовках. – Джоя с собой заберу. Пошли, золотой, – он постучал по ноге, подзывая собаку, и Джой радостно гавкнул, но подошел сначала ко мне, ткнувшись лбом в бок. Я потрепала его по холке и с улыбкой ответила:

– Иди поиграй с ребятами.

Джой радостно гавкнул и убежал. С улицы послышался смех Степы и звук маленьких колесиков самоката по каменной дорожке.

Ониксим снова обнял меня и притянул к себе, поглаживая по спине.

– Я сейчас по делам к Быстрому. Надо будет съездить в Питер, поэтому спокойно болтайте, я заберу тебя вечером.

– А Степа?

Ониксим точно скрипнул зубами, а я постаралась сдерживать улыбку – это выглядело так забавно, что взрослый и зрелый мужчина... вервольф, надо привыкать к его истинной форме; ревнует меня к приемному сыну.

– Смеешься надо мной? – добро спросил он меня.

– Есть немножко, – рассмеялась я, а потом и захохотала в голос, когда Ониксим принялся меня щекотать, а потом вдруг атмосфера изменилась: он прижал меня к стене и хрипло заговорил: – Слышал, что, если девушка боится щекотки, то она очень чувствительная.

Мои уши наверняка стали пунцовыми. Но, если пока не стали, то после того, как Ониксим прикусил правый кончик, точно покраснели.

– Не знаю про такую закономерность, – слукавила я. Мое тело реагировало на Ониксима моментально. Словно чувствовало нужную волну и вливалась в ее поток. Никогда и ни с кем я не чувствовала такой близости на энергетическом уровне. Может быть, про такие ощущения говорят – родная душа...

Ониксим поцеловал меня в шею и оторвался, отошел на шаг назад, тяжело дыша.

– Я буду ждать на крыльце, – сказал он тихо и вышел, давая мне возможность собраться. Я привычно нащупала пу-

фик около обувницы и присела на него – колени тряслись. Как и руки. Уже не хотелось идти ни на какой девичий совет, чтобы девушки увидели меня всю красную от смущения с трясущимися пальцами. Хотелось выглядеть все-таки поувереннее в себе. Хотя кого я обманываю – меня все это ужасно пугало. А еще Ритуал – именно так, с большой буквы, что бы это ни значило.

Надо собраться. Девушки уж точно не страшнее Игоря!

На этих мыслях я надела слипоны, взяла свою ветровку и вышла на крыльцо. Там мои пальцы привычно переплелись с теплой рукой Ониксима, и он довел меня, а потом и усадил в машину. Закрыв дом, плавно выехал на проселочную дорогу и повез к нужному дому.

Встретили меня хорошо. У Варвары был приятный добрый голос, а у Мирославы – громкий и уверенный. Они быстро спровадили Ониксима и попросили не возвращаться за мной слишком рано, а затем увели в большую комнату, усадив в удобное мягкое кресло.

– Ярослава, мы очень рады с тобой познакомиться. Ты прости, что мы тогда пришли толпой, но Черный тебя прятал от нас. А у нас есть правило – главных в стае слушаться. Ой, ты же знаешь, что мы в стае? – спохватилась Варвара, а следом я услышала характерное «ррр» от Мирославы. Значит, она волчица.

– Я все знаю, не переживайте, пожалуйста. И я тоже очень

рада познакомиться. Надо было давно Ониксима попросить организовать встречу, но я храбрости набралась только сейчас.

По комнате разлился залиvistый хохот – это смеялась Мирослава.

– А мы уж думали, что Черный совсем с ума сошел, выпустил Зверя и запер свое сокровище в четырех стенах. Хотели уже к Быстрому идти, вызволять, а это ты нас боялась. Не нужно. Вот совершенно не нужно. Мы с Варькой всегда рады женскому пополнению, потому что девочек в стае меньше.

– Почему? – не удержалась я от вопроса.

Мирослава призадумалась, но ответила:

– Природа так регулирует численность. Вервольфы сильны и выносливы, но свою Пару находят не все.

– А кто не находит? – продолжила интересоваться. Ониксим мне всегда рассказывал обо всем, что я у него спрашивала, но какие-то вопросы он все-таки «обтекал».

– А тебе Черный не рассказывал? – поинтересовалась Варя.

– Он на некоторые вопросы не любит развернуто отвечать, – поделилась я своими наблюдениями. Не то чтобы я жаловалась, но в конце концов, мы ж тут все девочки, можно немножко расслабиться и назвать вещи своими именами. – А вернее, просто уходит от ответа. Сказал только, что без Ритуала он... погибнет. Это правда?

Я услышала протяжный стон Мирославы.

– Человек есть человек, а ты мне все никак не веришь Варя, что вы как Пара – сплошное наказание. Ну вы ж не чувствуете ни фига! Умрет, – это уже точно было адресовано мне. – Сдохнет как собака без тебя. Еще был шанс выживания, пока вы не встретились. Ну... – протянула прямолинейная волчица, – несколько лет бы осилил. Черный все-таки сильный волк. Быстрый же наш держится. Но в одиночестве до старости вервольфы без Пары не доживают. Такова природа. Пара – это не только счастье и уравниватель. Зверь спокоен – все спокойны. За силу и мощь всегда надо платить, и наша плата вот такая.

– Но это ужасно! – я повысила голос, даже не заметив, что говорю слишком громко. Слова Мирославы напугали. Или я только сейчас осознала, что «умру без тебя» действительно значит смерть – холодную, беспросветную и безнадежную.

– Такова природа вервольфов, – повторила тише Мирослава. – Но ты не переживай так. Вы же Ритуал уже назначили?

– Пока еще нет. Не все обсудили.

– Не тьяни, – посоветовала уже Варвара. – Это правда важно. Все в стае ждут вашего праздника.

– А... – начала я, но Мирослава меня перебила:

– Ваша взаимность за километр видна, так что и не спрашиваем про чувства. Полной Луны, как говорится. Ты лучше нам расскажи про себя. Да и вообще, Варя, тащи шам-

панское! За встречу!

– Мира, ну одиннадцать утра, – попыталась образумить ее Варя, но Мирослава точно была командиром в юбке, дала снова ЦУ, и уже через пятнадцать минут мы уже поднимали бокалы за знакомство.

И я как-то легко, без особой боли в сердце рассказала свою историю. Как появилась у родителей достаточной поздно. Как мое появление вдохнуло в родителей вторую молодость, и они начали очень прилично зарабатывать, открыв свой бизнес. Как он рос, пока росла я. Как я увлеклась музыкой и стала сама играть. Как мое увлечение вылилось в будущую карьеру.

И как все это разрушилось.

Меня слушали очень внимательно. Варварв, это точно была она, иногда тяжело вздыхала, а вот Мирослава, наверное, и сама не замечала, как клала зубами на особо печальных моментах.

– Ты это рассказывала Черному? – спросила она меня в конце моего монолога.

– Не все, – призналась я. – Как-то не было повода. Мне с ним больше интересно о другом поговорить.

– Да уж понятно, – Мирослава так искренне рассмеялась, явно намекая на физический смысл «разговора», но я не стала ее поправлять – мне же правда хотелось. Хотелось ощутить этот жар, этот животный напор. Но только с Оникси-

мом!

– Черному надо просить Быстрого исключить эту семью из проживающих. Ярослав, ты меня прости, но дело с этими Выстроцкими совсем нечисто, – с тревогой в голосе сказала Варя. – И Ритуал вам надо быстрее провести, чтобы ты как можно быстрее смогла аннулировать твое это опекуновство.

– Да до Ритуала никто никуда их не денет, Варь, – вмешалась Мирослава. – Сама подумай, Яра у Ониксима, по сути, отрабатывает правонарушение, во та семейка и сидит тихо. А узнай они, что скоро намечается «смена власти», то сомневаюсь, что сидели бы так тихо. Нет, для спокойствия Ярославы никто из них ничего не должен узнать.

– Не подумала про это, – призналась Варя. – Ты права, Слав. Нельзя им ничего знать.

– Мы в сентябре решили, – вклинилась в разговор и я. – Осталось лето перетерпеть.

Мирослава снова засмеялась и даже в ладоши похлопала.

– Слышала, Варь. В сентябре все выдохнут!

– Почему? – удивилась я.

– Потому что всем надоело видеть злющего Черного. Как бы потактичнее пояснить... – призадумалась Мирослава. – В общем, ты девочка взрослая, скажу, как есть – у нашего темного властелина спермотоксикоз на фоне обретения своей Пары. У всех оборотней моментально включается фертильный период. А судя по твоему запаху, то Черный решил пойти консервативным путем – подождать до свадьбы.

Волчица не смеялась над нами, наоборот, Мирослава говорила с пониманием, но я услышала ноту разочарования. Конечно, она была на стороне Ониксима, прекрасно понимая звериную природу.

– Будто было бы иначе, – сказала Варя. – Это же Черный. Он как камень. Не бери в голову, Яра. Пусть все идет своим чередом. Так, а нам пора обедать.

А вечером меня забрал Ониксим. Я даже не заметила, как пролетело время за разговорами и обсуждениями. И как быстро мы сдружились. После аварии мои подруги, кого я считала подругами, быстро отвалились, что в то время не добавило мне сил, поэтому я уже и не рассчитывала, что смогу кого-то впустить в свою жизнь... а теперь уже хотела встретиться через три дня, как мы и условились.

Меня усадили в машину, и мы двинулись в сторону нашего дома. Можно было бы и пешком, потому что как я поняла, девочки жили не так и далеко от дома Ониксима. Но мне нравилось находиться рядом, чувствовать рядом тепло Ониксима, плавное движение машины и ощущать себя обычной невестой.

– Смотрю, все прошло замечательно, – приятный баритон ласкал мой слух. Какой же красивый «музыкальный» голос был у Ониксима.

– Они такие замечательные и такие разные, – улыбнулась я, вспоминая спокойный ласковый голос Вари и боевой громкий Мирославы.

– Я рад, что ты нашла в девочках подруг. Они тут старожилы, помогут со всеми вопросами.

– Спасибо, что организовал мне девичий совет.

– Всегда рад, – ласково ответил Ониксим и коснулся губами моего виска.

Меня прострелило током, ровно от виска и до низа живота. Дыхание сбилось, а Ониксим резко остановил машину.

– Я выйду на секунду, – хрипло сказал Ониксим. Но я не позволила, протянула руку и ухватилась за то, что смогла зацепиться. И это была пряжка ремня. Ониксим замер, а я, повинувшись внутренней бунтарке, провела рукой вниз, прекрасно ощущая каменный стояк под тканью джинс.

– Не уходи, – прошептала я, потянувшись к Ониксиму, но меня резко остановили рукой.

– Яра, – протянул Ониксим. – Пусти меня, иначе...

– Что иначе? – я провоцировала и прекрасно это осознавала, но после слов Мирославы про то, что Ониксим себя сдерживает, у меня в голове будто что-то перещелкнуло, и я поняла, что надо брать ситуацию в свои руки: Ониксим слишком сильно меня опекал, после того случая боялся лишний раз проявить интерес, но ведь Зверь меня чувствует, а я, что странно, чувствую его. Его тягу, его желание, его похоть. И меня это совершенно не пугает.

– Яра, – уже грозно рыкнул Ониским, применяя ко мне сердитый голос, который чаще демонстрировал Степе. Но я не собиралась так легко сдаваться.

– Не уходи, – повторила я громче, и Ониским зарычал, завел машину и резко стартанул, а я так и осталась сидеть с рукой на его стояке, не зная, как поступить дальше.

И похоже, мы ехали не домой.

Машина неслась так быстро, что меня вдруг затопило паникой. Я всхлипнула. Еще раз. И слезы полились из глаз. Я одернула рука и прижала ее к груди, вжимаясь в пассажирское место. От бывшего возбуждения не осталось и следа, зато перед внутренним взором, как в черно-белом кино замелькали картинки аварии.

Мне стало трудно дышать.

И как только я почувствовала, что не могу сделать даже одно-единственного вдоха, машина резко остановилась, а меня притянули в сильные и надежные объятия.

– Ярушка, прости, напугал, – прошептал, склонившись к уху, Ониским.

Я затрясла головой – нет, это я тебя напугала. Опять напугала своими реакциями. Пять минут назад строила из фем фаталь, а сейчас трясусь как осиновый лист. Ну сколько можно! Это же Ониским. А его Пара.

– Поцелуй меня, – прошептала я и зачем-то добавила, – пожалуйста.

Будто мой Ониксим без этого «пожалуйста» откажется. Я же все чувствовала. Все! Всю его тягу и любовь ко мне.

Он и поцеловал. Прошелся нежно по губам своими, обветренными и жесткими, а следом очертил кончиком языка контур моих губ. Он не спешил жадно накидываться. Ласкал так, что у меня от тока крови и желания уши заложило. Он нежно втянул мою нижнюю губу в свой рот, провел языком по внутренней стороне, наслаждаясь бархатистостью кожи, а потом ласково раздвинул им зубы и углубил поцелуй.

Не накинудся, не присвоил, не доминировал, а нежил и ласкал так, как может только безумно влюбленный мужчина. Или, может быть, как раз не мужчина, а вервольф.

Я обняла Ониксима, прижалась плотнее, совершенно забыв, что мы сидим в машине неизвестно где. Я не отпускала, не позволяла ему отстраниться, прервать эту сладость. Сейчас, именно сейчас я хотела принадлежать Зверю, что выбрал меня.

Но Ониксим разорвал поцелуй, уткнувшись мне лбом в плечо. Он тяжело дышал, и я понимала – сдерживается из последних сил.

– Ты точно этого хочешь? – вдруг спросил Ониксим.

– Как и ты, – ответила, чтобы он понимал, что я не передумала.

– Я отвезу тебя в свое логово. Хотел подождать до Ритуала, но не выдержу. Никак не дотяну. Прости меня.

– За что ты просишь прощение! – вдруг вспыхнула я. – Я тоже не выдержу и не дотерплю! Я не китайская ваза и не невинный цветок, чтобы...

Укус шеи стал неожиданностью, и я вскрикнула, схватившись рукой за ужаленное место.

– За что? – обиделась я.

– За то, что храбришься, – вдруг слишком серьезно ответил Ониксим. – Ты и есть для меня «китайская ваза и невинный цветок». Хрупкая, нежная и бесценная, Ярославка. Не забывай – я волк. Мое чутье не обмануть. Как и мои инстинкты. И сейчас в тебе больше авантюризма, чем желания женщины.

Меня задел этот вывод. Будто я какая-то молоденькая девица, которая жаждет побыстрее лишиться девственности, чтобы что-то кому-то доказать. Но Ониксим не дал мне обидеться, снова втянув в глубокий поцелуй.

– Ну вот, – отстранился Ониксим, проведя шершавыми подушечками пальцев по моей щеке, – теперь ты на меня злишься.

– Я хочу тебя, – и правда разозлилась я. Эти слова дались мне непросто. Губы дрожали, но я понимала – если отступлю сейчас, то Ониксим ко мне не подступиться до Ритуала, заставляя Зверя терпеть. И сходить с ума. Моя рука метнулась к его лицу, и я провела пальцами по губам, ощущая под ними улыбку. – Ты смеешься надо...

Но мое возмущение опять утонуло в поцелуе. В этот раз

он был грубый, жадный, собственнический. Ониксим показал мне желания Зверя, отпустил слегка поводок, и волк рванулся ко мне.

А я к нему. Я сама как сумасшедшая вжалась в Ониксима, зарычала ему в губы и залезла на колени, не прерывая поцелуя. Меня словно накрыло волной, потащило на самое темное дно, сдирая с тела эту ненужную одежду, что мешала чувствовать жар от любимого. Я целовала Ониксима неистово, слово не он был оборотнем, а я – волчицей, нашедшей свою Пару.

И опять Ониксим разорвал поцелуй. Тяжело дыша, он не двигался, наверное, с минуту, крепко зафиксировав меня в своих руках. А я лежала на его груди, слушала гулкий и мощный стук чужого сердца, и сама пыталась прийти в себя.

– Беру свои слова обратно. Желание в тебе не женское, а волчье, – выдохнул Ониксим. Видимо он, как и я, совсем не ожидал такого напора. Потом нехотя вернул меня на пассажирское место, пристегнул, поцеловал в висок и сказал:

– Надо поторопиться. Ехать несколько часов. Мое логово находится в Карелии.

Глава 06

ОНИКСИМ

Как только мы выехали на дорогу, я набрал Варю по громкой связи. Я так резко сорвался, что не успел толком никого предупредить, хорошо, что и объясняться не нужно будет – все, итак, небось кости мои перемыли по десять раз, что я торчу в стае, а не около своей Пары.

Варя ответила на звонок быстро:

– Да, Черный, что случилось?

– Присмотри, пожалуйста, за Степаном. Мы уехали в Карелию.

– О, – выдохнула она, а потом тише добавила: – Поздравляю. Не волнуйся, присмотрю за ребенком.

Теперь тяжело выдохнул я:

– Он им только прикидывается. Не дай себя обмануть.

– Черный, это он с тобой только такой. Сам же знаешь: двое альф в одном доме – горе в семье, – рассмеялась Варя. У нее этих альф на один дом было трое. И что-то я не помнил, чтобы кто-то там так свой характер проявлял.

– Ага, горе, которое даже дрессировке не поддается. Обращиваться, как научился, так совсем от рук отбился.

Варя на секунду замолчала, а потом серьезно сказала:

– Ему семья нужна. Ярослава, рассчитываю на тебя! – и

отключилась.

– Это что еще за женский сговор? – фыркнул я на такое пренебрежение своим статусом.

Яра улыбнулась. Она откинулась на сидение и прикрыла глаза. И выглядела такой хрупкой. Действительно эльфийская принцесса. У меня пересохло в горле, а Зверь нервно заворочался внутри, как только я представил, что ей кто-то может причинить вред. Может кто-то обидеть. Руки сами сжали руль до побелевших костяшек.

Я ненавижу Выстроцких и хотел побыстрее от них избавиться, заставил Даромира за ними следить, но эти твари будто чувствовали и вели себя приличнее некуда, хотя по рассказам, по тем скучным рассказам Ярославы, я уже понимал, что они из себя представляют. И в тайне от нее обратился к своему старому знакомому следаку, чтобы раскопать реальную историю той аварии.

Мое чутье вопило, что дело нечисто.

– О чем думаешь? – вдруг услышал я тихий голос Ярославы.

– Обо всем понемножку. Поспи, – предложил я.

– Хорошо, – кивнула Яра, а потом вдруг протянула руку к креслу, скользнула пальцами по моему плечу, а потом дотянулась и поцеловала меня в ухо. От этой невинной ласки меня прострелило насквозь. Ударило молнией по всему позво-

ночнику. Зверь поднялся и завыл, желая ответить лаской на ласку. Или выпросить еще. От желания на долю секунды потемнело в глазах, и я немного скинул скорость, моментально встряхнулся и сосредоточился на дороге.

– Это опасно, Ярушка. Я очень сильно реагирую на тебя. И любая ласка от тебя как огонь по венам, – в голосе проступил звериный хрип, но я не стал скрывать правду. Ярослава должна знать и понимать свою силу надо мной. И скрывать от нее эту власть нельзя.

Бесполезно.

– Прости, я не хотела...

Я схватил ее руку и поднес к губам.

– Тебе не за что извиняться. Просто знай об этом.

– Тебе тяжело рядом со мной?

– Мне очень хорошо, но иногда больно, когда я не могу предъявить на тебя свои права. Как сейчас, например. Ты не чувствуешь меня...

– Чувствую! – перебила она. – Я чувствую тебя. Твои эмоции... Я не знаю как, но сейчас меня всю внутри сжимает тисками и хочется только одного. Чтобы ты обнял меня, Ониксим.

Яра зажимает рот рукой, чтобы я не услышал, как она всхлипывает. Но я все слышу. Я слышу даже, как ускоряется ее сердце. И снова не выдерживаю, съезжаю на обочину, врубаю аварийку и сразу же тяну руки к Яре. Она вздрагивает от моих пальцев на ее плечах, но также тянется ко мне в

ответ. Проводит руками по мне, исследуя, мое тело, и крепко прижимается. Утыкается в шею. И громко выдыхает, когда я провожу носом по ее изгибу шеи и начинаю целовать: за ухом, скулу, губы.

Яра приоткрывает губы, и я сразу же жадно запускаю язык, углубляю поцелуй и полностью перетягиваю ее к себе на колени.

«Остановись!» – кричит уплывающий мозг, но Зверь крутится от счастья, воет и кусает. Я слышу негромкий задущенный вскрик Яры. Кровь по венам ускоряется в несколько раз, разнося удовольствие и адреналин.

А потом я чувствую на языке солоноватый привкус крови. Метка. Я пометил ее. Без спроса!

Я дернулся, но Яра сразу же схватила меня своими тонкими пальчиками, не дала забиться в угол, куда я сразу же загнал Зверя, и сам собирался после того, что натворил.

Метка, мать ее, волчья метка!

Да кто в наше время ее ставит?! Это раньше было правом альфы пометить свою Пару. Оставить след, который шаман стаи превращал в узор. Но на дворе двадцать первый век, а в нашей стае ни шамана, ни мага для баланса, что, конечно, ужасно плохо, но не смертельно. А я веду себя, как древний волчара.

«Еще и в логово тащу», – добавил маслица в огонь сожаления внутренний голос.

Ни дать ни взять – взбесившийся альфа. А ведь всегда

славился своим хладнокровием.

– Не закрывайся от меня, – шепчет мне на ухо Яра, не выпуская из своих объятий. – Я не испугалась. Только совсем чуть-чуть. Но сейчас я ощущаю, что только так и правильно. Так и надо.

Так и надо... Я думаю о том же, а Зверь радуется и крутится, наслаждаясь, как натягиваются нити между нами. Как укрепляется связь. Мое нетерпение сразу переплавляется в удовлетворение, а дикая похоть – в желание.

Ярослава моя, и не нужно теперь сжимать челюсти от ревности и злости на работе, когда кто-то из молодых вервольфов неумело шутит на тему человеческой Пары. Не надо теперь бояться, что я не смогу мою Ярушку почувствовать или найти, где бы она ни была.

Я смогу ее защитить.

– Не буду, – шепчу ей в губы. – Больше не буду закрывать свои чувства к тебе. – И целую, как хочу сам. Как хочет мой Зверь. И это такое наслаждение, но и пытка же. Нам ехать несколько часов. Выдержу ли?! Должен!

Яра разрывает наш поцелуй, чтобы вдохнуть воздуха и смеется.

– Мне сейчас так хорошо! Мне даже описать сложно, какое спокойствие я вдруг почувствовала. Будто все проблемы растворились. Невероятно. У тебя так же?

– Также, – говорю я и крепко ее обнимаю, чтобы еще чуть-чуть подпитаться перед долгой дорогой. – Твое присутствие

успокаивает. Никогда такого не ощущал.

Яра же уже аккуратно вернулась на свое сидение, и я сразу же пристегиваю ее.

– Знаешь, мое спокойствие похоже на лес, но не темный и сырой, а прогретый утренним солнцем, усыпанный росой и ягодами, в котором стоит сосновый аромат. И такой он свежий и приятный, что уходить из этого леса не хочется.

– Правда? – спрашиваю я, пытаюсь сдержать удивление.

– Ага, – расслабленно отвечает Ярослава и прикрывает глаза. – Что-то и правда спать хочется. Я подремлю?

– Конечно, поспи, – отвечаю ласково, а сам забираю с заднего сидения плед и укрываю им Яру. Ее дыхание уже мерное, как у спящего человека, но я продолжаю смотреть на нее, на ее длинные ресницы, пухлые губы. Я никогда не думал, что моя Пара будет человеком. И меньше всего ожидал, что таким нежным. Но сейчас я не представляю, как мог вообще думать иначе.

Ярослава вся моя целиком. Даже наш волчий лес почувствовала, куда только сильным волкам да духам дорога. Человек, и почувствовала. Сколько же еще сюрпризов меня ждет?!

Я возвращаюсь на дорогу и уверенно набираю скорость. Какие бы сюрпризы меня ни ждали, главное только, что Яра была рядом.

Она спит весь оставшийся путь, тихо сопит, укрывшись по самый нос в мой плед, а я лишь чувствую спокойствие. Даже

мысли в голове текут плавно, не переливаясь друг в друга. Я помечаю мысленно все дела, которые мне надо будет организовать по возвращении. Не забыть заехать к Рустаму, узнать, как продвигается его слежка. С Быстрым окончательно все решить по поводу Ритуала. Степана отвести на первый в его жизни волчий турнир стай. Дел много, но все может немного подождать.

Я бросаю быстрый взгляд на спящую Яру и улыбаюсь.

«Интересно, ей понравится турнир? Хотя я еще Степке не говорил, хоть он каждый год и готовится, но уверен новость обрадует. А мое логово? Понравится ли Яре мой дом? Надо бы Кемовых предупредить, все-таки их территория, но думаю, не обидятся, когда поймут по какой причине такая спешка. Да уж, как в первый раз. Не перенервничать бы», – на этой мысли я усмехнулся сам себе и нажал сильнее на педаль.

Глава 07

ЯРОСЛАВА

– Лада? – голос у Ониксима был удивленным. Он держал меня за руку, а я пыталась натянуть капюшон толстовки на голову. Мне стало неудобно от чужого изучающего взгляда. Я проспала почти всю дорогу, и сейчас хотела наверстать потерянное время. Я столько всего хотела спросить у Ониксима, но похоже не только я планировала пообщаться с ним.

– Привет, – сказала девушка, и я сразу отметила, что голос у нее был приятный. Девушка с таким голосом без сомнений выглядела милой и нежной. – Отец сказал, что ты приедешь и я решила заехать и передать от него гостинцы. Я помешала?

– Да, – как-то холодно ответил Ониксим, а мне стало совсем некомфортно. Зачем же так?

– Ониксим, зачем ты так? – спросила я тихим голосом.

– Все хорошо, – услышала я ответ Лады. – Я и правда не вовремя. Простите.

Девушка уже собиралась уходить, но я не могла ее так отпустить. Почему-то не могла.

– Меня Ярослава зовут.

Девушка остановилась – я почувствовала, как она замерла. И все замерло – ни она, ни Ониксим не произнесли ни од-

ного звука. Мой волк чего-то ждал, а Лада будто боялась что-то сказать. И тут я все поняла.

– Простите, – проговорила я, – но я Пара Ониксима.

Лада всхлипнула. Звук был глухой, будто она зажимала рукой рот, сдерживая звук. Значит, я не ошиблась, Лада прекрасно поняла волчье значение и... она была пассией Ониксима.

– Лад, – позвал Ониксим, смягчив свой голос. Ему явно стало неудобно за свой резкий тон. – Давай чай попьем и поговорим. Познакомлю тебя с Ярославой.

– Не надо, – всхлипнула еще раз Лада, но я чувствовала, что нельзя ее так отпускать. В таком состоянии. Я вытянула руку на звук и ухватилась за то, что попало – за край са-рафана.

– Не уезжайте без разговора. – Я не хотела давить на нее, поэтому в голос вложила всю мягкость и заботу. И на удивление девушка, громко выдохнув, согласилась.

– Хорошо.

В самом доме Ониксим усадил нас на мягком диване, а сам пошел заваривать обещанный чай. Я ощущала легкий аромат цветочных духов Лады, едва ощутимый, уже выветрившийся, но для меня это значило, что она сидит рядом. И снова разглядывает меня. Сравнивает? Возможно. Но меня это не обижало. Я же понимала ее – слепая девица стала Парой такому вервольфу как Ониксим. Наверняка и в стае

над ним шутят из-за моей слепоты. Но что удивительно, в доме Ониксима я ни разу не почувствовала себя ущербной – такой, какой я себя ощущала в доме своей родни.

– Мы познакомились недавно. Этим летом, – начала я наш разговор.

– И Зверь сразу тебя признал? – спросила Лада.

– Ониксим говорил, что сразу.

– Ты не почувствовала... Ты... человек? – удивленно проговорила девушка.

– Человек, – спокойно подтвердила я. А она, значит, волчица, но не учуяла?!

– От тебя аура другая идет. Успокаивающая. Я такую только у старых волков чувствовала, – будто прочитав мои мысли, пояснила Лада. – Да и Черный же один из самых сильных волков на нашей территории. С такими Луна редко связывает человека. Прости... – сразу же добавила девушка, решив, что задела меня. Мол, ты же слабачка, Ярослава, обычный человек, а тут такой волк, всем волкам волк. Я чувствовала, что Лада разочарована, даже не мной, а самим фактом того, что я не волчица. Наверное, она надеялась, что Зверь Ониксима ее примет, что Парой будет она.

А стала я.

– Я понимаю. Для волков такой союз мезальянс?

Лада с ответом замешкалась. Все-таки не было в ней стервозности. Не было и злости на меня. Поэтому мне хотелось

как-то смягчить неприятную для нее новость. Попробовать успокоить.

– Я не обижусь на правду, Лада. Я не вижу, но я зато очень хорошо слышу и чувствую эмоции собеседника. Вот такие побочные особенности неожиданной слепоты.

– Раньше такие Пары разбивали, но после того, как поняли, что Зверь умирает, перестали издеваться. А сейчас это уже не важно, главное, найти друг друга. Я пока не нашла...

Я чувствовала, как на самом деле Лада говорила: «я думала, что нашла», но как я могу винить ее в этом?! Ониксим же такой замечательный. Я пробыла с ним так мало времени, а уже не смогу ни забыть, ни отпустить. А что чувствует Лада даже и представлять не хочу. Больно.

– А вот и чай, – поставив поднос с чаем, сказал Ониксим и сел рядом со мной. – Тебе налить?

Я кивнула.

– Лада?

– Да... Да, спасибо.

Когда мы неспешно стали пить чай, прекратив все разговоры, Ониксим вдруг прочистил горло и уверенно сказал:

– Я прошу у вас прощения. Лада, я должен был связаться с тобой и все объяснить вовремя, а не прилетать в свое логово вместе с Ярой, не сообщив ни слова. Ярослав я обязан был рассказать тебе раньше, что у меня были отношения, которые я на радостях от обретения Пары, не прекратил и создал для вас обеих ужасную ситуацию. Я знаю, Лада, что

ты надеялась на признание себя моим Зверем. И я правда не понимал его молчания, но встретив Ярушку, все встало на свои места. Я желаю тебе обрести своего волка. И не сердать на меня за глупые мужские ошибки. Порой я бываю бесчувственным чурбаном, как сегодня, но Яра меня потихоньку улучшает.

Услышав такую речь, я так и зависла с чашкой около рта, а Лада открыто рассмеялась:

– Вот не буду скрывать – знакомство с Ярославой стало неприятным сюрпризом. Но вы оба так светитесь от счастья, что как я могу обижаться?! Мы изначально с тобой знали, что все это временно. Так что я допью чай, похвалю тебя за хороший вкус в оформлении твоего логова – хоть так в нем побывала – и уйду ждать свою Пару. На Ритуал-то пригласите?

– Пригласим, – вдруг уверенно ответила я. – Приезжай с Парой.

– Да где же я так быстро ее найду? – фыркнула Лада, прямо как Мира. Волчицы, что тут добавить.

– Я чувствую, что приглашение «плюс один» тебе точно пригодится.

Лада только выдохнула, и наверняка махнула на меня рукой, но я по-настоящему чувствовала, да на сто процентов была уверена, что так и будет. Только вот откуда во мне выросло такое чувство – понять не могла.

Когда Лада ушла, Ониксим обнял меня, притянув ближе,

и уткнулся в темечко.

– Прости, Ярушка. У меня честно все из головы вылетело. Я не подумал.

– А если не прощу? – лукаво спросила я, хотя для себя посчитала, что обижаться не на что. Только Ладу жалко: встретиться с невестой, когда сама метишь на это место – так себе удовольствие.

– Дам себя наказать.

В голове моей сразу же замелькали картинки. Одна горячее другой.

– Тогда не прощаю, – ответила я, и сразу же почувствовала горячий язык на моих приоткрытых губах.

Я не помню, как мы оказались в спальне. Вихрь ощущений закружил меня: крепкие руки Ониксима, его горячий рот, ласковый шепот – от всего этого я плавилась, позволяя творить с моим телом все, что захочет Зверь.

Любые объяснения, любые слова сейчас были не нужны – мы ощущали друг друга на каком-то ином уровне. Ониксим будто отдавал мне часть себя, а я была готова отдать себя целиком.

Когда его губы спустились от шеи к моей груди, я вдруг осознала, что лежу совершенно голая перед Ониксимом. Он очень проворно снял с меня всю мою одежду, а я и не заметила.

– Ониксим, – позвала я охрипшим голосом.

– Тшшш, я тут, – между поцелуями ответил мой волк.

Я сразу же обняла его руками, почувствовав под пальцами такие же обнаженные напряженные мышцы. Ониксим рыкнул и прижался ко мне плотнее. Каменный член уперся в мой живот, опалив своим жаром. Какой же он был горячий! Словно не кровь бежала по его жилам, а лава.

От этих интимных объятий мое сердце зашло в ровном ритме, сбивая мне дыхание. В горле совсем пересохло, и я уже не смогла подобрать хоть какие-то слова в ответ.

Все мое тело загоралось огнем от жара внизу моего живота. Мне хотелось выплеснуть его немедленно. Хотелось соединить его с огнем Ониксима. Хотелось стать с ним одним целым.

Я выгнулась, притираясь еще сильнее, и Ониксим зарычал в полный голос. Он резко развел мои бедра и опустил к самому центру пульсации. Горячий язык прошелся по моим набухшим лепесткам и обвел горошину клитора. Сначала нежно, но с каждым движением усиливая нажатие. И от этих умелых, властных и нежных движений, я потеряла последние остатки разума. Удовольствие затопило с головой, заставляя кричать любимое имя.

– Яррра, – прорычал Ониксим, – я больше не могу сдер-

живаться.

Он снова был у моей шеи, вылизывая целуя метку, но я и сама больше не могла сдерживать проснувшийся вулкан внутри меня. Поэтому я просто развела шире ноги и приняла его целиком без стеснения и страха, как волчица своего волка.

Ониксим вошел медленно, позволив мне привыкнуть к его размеру, но как только я сжала его бедрами, сразу принялся двигаться в своем жестком зверином темпе, выбивая последний воздух из легких.

Я чувствовала каждый его толчок, каждое погружение в меня, каждый вздох над моим ухом. И всю силу его чувств ко мне.

Ониксим присваивал меня, метил, связывал с собой. Навечно.

А я отдавалась со всей силой своей любви к этому потрясающему мужчине. Зверю. Своей Паре.

Запах утреннего леса бодрил. Аромат хвои, легкий шлейф

мелкоцветов, что просыпались от первых лучей солнца, и влажный от росы, еще по-летнему прохладный лес дарили энергию. Я вдохнула полной грудью, словно сама была там, в лесу, бежала по мягкому мшистому ковру и совершенно не хотела открывать свои глаза. Странное видение так напугало меня, что я неосознанно распахнула незрячие глаза, будто хотела увидеть спальню в хижине и Ониксима, но, наткнувшись на привычную темноту, закусила губу, погружаясь в раздумья.

Сны мне снились. И сны разные. Нередко страшные, намного реже счастливые, но все это было еще из той, прошлой зрячей жизни, а эти образы были совсем иными. Мне казалось, нет, я чувствовала, что сама будто бежала по утреннему лесу.

Ониксима в спальне не было, но, когда он вернулся и мило полез целоваться, от него пахло той самой хвоей, влажным мхом и первозданной природой.

И наш утренний секс походил на животный: Оникисим вылизывал меня, тихо рычал от удовольствия, пока проходился руками по ключицам, предплечьям и запястьям. Ему невероятно нравилось ласкать мои руки, выцеловывать пальцы, посасывать их. А я чувствовала, как в них оживает каждая клеточка. Как перестают болеть сломанные косточки.

Днем, после того как мы все-таки выбрались из постели, я набралась смелости и спросила:

– Ониксим, ты с утра оборачивался?

– Да. Откуда ты знаешь? – удивился Ониксим. – Я точно помню, что ты спала, когда я уходил.

Меня кольнуло то, что он прятал Зверя и боялся мне его показать, продолжая сохранять для меня иллюзию того, что он только человек.

Я не стала скрывать того, что поразило меня этим утром.

– Ониксим, я не знаю, как это произошло и почему, но я могу видеть твоими волчьими глазами. Сегодня я видела утренний лес.

Ониксим вдруг сжал мое предплечье, но продолжал молчать, чем напугал намного больше, нежели, чем стал бы злиться.

– Никому об этом не говори, – сухой непривычный голос. Я сглотнула. Пальцы на моей руке разжались, а потом я оказалась в горячем коконе объятий. Ониксим крепко прижал меня к себе и зашептал уже привычнее: – Ярушка, умоляю, молчи, иначе тебя у меня заберут.

– Хорошо, – только и ответила я тихо. Мне хотелось спросить, почему он так испугался, но Ониксим опередил меня сам.

– До Ритуала я не могу полностью рассказать тебе обо всем, что связывает Пару. Человеку разрешено отказаться даже в день самого Ритуала. И поэтому на его решение не должны ничего влиять.

– А эта тайна может что-то изменить?

– Если ты откажешься от меня, то с этой тайной ты не про-

живешь и дня, Яра. Поэтому заклинаю тебя – молчи. До Ритуала – молчи!

– Хорошо, Ониксим, хорошо. Я никому не скажу. Не бойся за меня.

– Я всегда буду бояться за тебя, переживать и заботиться. Ты же мое родное сердечко, Ярушка.

– Как и ты мое, – поцеловала я Ониксима в шею и прижалась крепче. Велика задача – потерпеть месяц до Ритуала.

Глава 08

ОНИКСИМ

Всю дорогу я пытался не показывать своего напряжения, но Яра все чувствовала. Сидела с закрытыми глазами и молчала. А я себя ненавидел, что не могу открыть всю информацию. И впервые боялся, что ответит мне Быстрый – скрывать от него я не имел права, ведь это касалось всей стаи.

В общем, к возвращению в поселок я себя изрядно накрутил, поэтому, когда увидел Миру со Степой около ворот, то приготовился обороняться. Вряд ли Мирослава по доброте душевной привела подопечного – дел у волчицы хватало.

– Что он натворил? – низким голосом спросил у нее я вместо приветствия. Яру я пока оставил в машине, но тут до слуха долетел звук закрывающейся автомобильной двери – Яра вышла сама, не дожидаясь моей помощи.

Это тоже почему-то разозлило, и я выпустил клыки, блеснув желтизной глаз волка. Степа насупился и опустил взгляд, плотно сжав губы.

– Да погоди ты, Черный, – осадила меня Мирослава. Она

поправила рукой прическу каре на белокурых волосах и внимательно оглядела мою фигуру. Чует, что мы закрепили связь с Ярославой. – Волчонок не виноват. На сборах подрался с соперником, а тот друзей позвал... и вот, – Мирослава указала на руку, которую Степка как-то слишком бережно прижимал к груди.

Да вы шутите?!

– С кем он дрался? – спросил я, еле сдерживая рык, но тут почувствовал пальцы Яры на моем предплечье, которыми она мягко сжала мою руку.

Мирослава тяжело вздохнула, видимо, озвучивать имена она очень не хотела.

– Ярослава, привет! Как ты себя чувствуешь? – перевела тему хитрая волчица, но я не дал:

– Мирослава? – грозно рыкнул я. Ярослава прижалась ко мне сильнее, стараясь успокоить.

– Ладно-ладно, – ответила Мирослава смиренно. Для полной картинке не хватало только поднятых лапок. – Степ, не хочешь сам своего опекуна известить?

Мальчик молча покачал головой.

Не хочет он! А я что должен делать? Силой правду выбивать? И когда Степка такой упрямый стал?! Меня бы сейчас

умилило его желание казаться взрослым волком, но не когда у него сломана рука.

Я снова поднял взгляд на Миру, а та сразу поняла, что не отвертеться – придется сдавать зачинщиков.

– Артем его так.

– Белов?

– Белов, – подтвердила Мирослава. – Он и его друзья.

– Понятно. Решил вывести сильного противника, – констатировал я очевидный факт. Беловы были сильными вервольфами из новгородской стаи, которые и сына воспитывали в строгости. Только вот Артемочка совсем ошалел. Мальчишка пошел на нарушение правил Турнира, но сейчас ничего не докажешь. Да и Быстрый со стаей две недели назад контакт наладил, сейчас только скандала не хватало...

– Степ? – позвал я волчонка. – Посмотри на меня, – и присел на корточки перед ним, аккуратно отпустив руку Ярославы. – Сильно болит?

Степка покивал, а губы до бескровной напряженной линии сжал, а я совершенно не знал, как его успокоить. Как ободрить. Он же с начала года ждал этот чертов турнир! Готовился. Его даже Серый тренировал. И как вот теперь быть – рука ведь не восстановится даже с его молодой волчьей кровью?

А перед глазами так и стояла картина того дня, когда Быстрый привел ко мне маленького Степу. В синяках, гряз-

ного, в изодранной одежде. Сломанную руку он прижимал к своей груди точно так же, как сейчас. Он тогда осиротел за одну ночь: молодые родители допустили страшную ошибку, не связавшись с нашей стаей, чтобы мы помогли им схватить обезумевшего одинокого вервольфа. Мама Степана пожалела своего брата, а он их нет. И мальчишке пришлось прятаться в лесу, маскируя свой запах грязью и мхом.

И только он начал отогреваться...

Я тяжело вздохнул, внутри все сжалось в тугий шипастый узел из вины и злости на собственное бессилие. Но тут рука Яры опустилась на мою голову – и все растворилось. Ушло. В один миг.

– Мира, скажи, кто знает, что у Степы проблема с рукой?

– Только я, – нахмурилась волчица.

– Стану твоим должником, но попрошу об этом «забыть».

Согласна?

Мира не сразу ответила, нахмурилась, сверкнула на меня такими же желтыми глазами.

– Хорошо, – неуверенно подтвердила она, но я не дал ей передумать.

– Вот и договорились. Все, мы пошли лечиться, а ты домой и молчок.

У меня появилась безумная идея, за которую меня Быстрый не погладит по шерстке, но я хотел вернуть блеск жел-

тым глазкам Степки. И шанс отомстить за себя. Главное, чтобы Ярушка согласилась.

– Да ты двинулся! – рыкнул на меня Быстрый. Он только что вернулся с тренировки и был весь потный. От него несло альфой за километр, и мне, как сильному волку, было тяжело сдерживать своего Зверя. Тот явно хотел повыяснить отношения. Быстрый сверкнул на меня и низко зарычал, усмиряя моего Зверя и показывая, кто тут альфа. – Черный, прекращай! Я сейчас не готов еще и с тобой грызться, – это уже человек Ральф рывкнул на меня.

А я впервые заметил то, чего так боялся – друг стал агрессивнее. Без своей Пары. Началось...

– Ральф, – позвал я его, уже совсем успокоившись. Друг моментально услышал в моем голосе страх и оскалился.

– Что? Плохо выгляжу?

– Пока нет, – ответил я честно. И зная силу Ральфа, то он может протянуть еще долго. Наверное.

Ральф стянул с себя мокрую футболку и швырнул на пол, расправил спину, поиграв сильными мышцами.

– Когда начну выглядеть хреново, ты знаешь, что делать, – припечатал он одной фразой и сразу же перевел тему на предыдущую: – Ониксим, я обязан сообщить о ней Совету.

Я знал. И в стае был самым долбанутым следователем традиций, но Яра всю мою жизнь перевернула.

– Сделай вид, что не знаешь. Пока не знаешь.

– И книгу шаманов потеряй, да? – уже без колкости спросил Ральф, вытираясь полотенцем.

– Очень бы хотелось, – ответил я с улыбкой и подал бутылку с водой. Ральф ее принял, снял крышку и жадно глотнул, а потом облокотился на стену, пристально разглядывая меня.

– Ну надо же! А я думал, ты до Ритуала дотерпишь, – улыбка у Ральфа была широченная и наглая.

Унюхал, старый пес.

– Я на тебя посмотрю, – огрызнулся я, и только потом понял, что прошелся своими словами по больному. Глаза друга моментально погасли, и он опустил взгляд.

– Ладно, я понял, пока молчу и теряю ценные вещи. А ты исчезни. Не хочу твою счастливую рожу видеть пару дней. Встретимся на Турнире, заодно официально и познакомишь со своей девочкой.

– Спасибо, – выдавил я, хотя хотел бы сказать что-то умное и ободряющее, но слов не находилось. Когда надо, всегда появлялся тупой ступор. Да и что я мог сказать Ральфу?! «Держись, дружище, все будет!» Если бы...

Домой я вернулся через полчаса с ценной старой книгой и сразу же пошел на второй этаж, где и оставил Степу с Ярой. Нужно было действовать быстро, до приезда врача, поэтому на счету была каждая минута.

Степка сидел грустный и хмурый, но позволял Ярушке

гладить его по голове. На меня же он поднял покрасневшие глаза, и я понял, что он плакал. Перед Ярой он мог выплеснуть свои детские эмоции. Но не передо мной. Передо мной он хорохорился и держался волком. И я ведь его постоянно этому и учил, но сейчас рядом с Ярославой вдруг увидел мальчишку, которому нужна забота, а не только муштра и дисциплина.

Пора было исправлять свои ошибки.

– Я кое-что принес. И мне будет нужна ваша помощь. Особенно твоя, Яра. Поможешь?

– Конечно, – удивленно ответила Ярослава.

– Тогда попробуй принять всю информацию сразу, – сказал я и закрыл дверь в комнату, а потом подошел и зашторил окно. Степка следил за мной, и хоть я и видел напряжение в его взгляде, но волчонок верил мне всецело, и это внушало мне уверенность, что я поступаю правильно. А с кармой я как-нибудь справлюсь.

Яра слушала меня очень серьезно, ловила каждое слово, а я пытался зачитывать заклинание почти по буквам. У нас не было шаманов с самого основания стаи. Как и мага. И жили мы без них прекрасно, хоть и считали нас неполноценной стаей. У московских стай так вообще по два мага, бывало,

чертовы псы, но и контролировали они в разы больше территорий.

Но похоже скоро все изменится – у Ярославы оказался редчайший дар лекаря. Она все связующие нити в стае чувствовала, и нашу с ней связь, окрепшую и прочную, нащупала моментально. Я умом понимал, что Быстрый обязан сообщить на Совете не только о моем новом статусе, но и о даре у моей Пары. Но ведь Яру заберут на обучение, а я буду за сотни километров от нее. Сердце мое не выдержит, а рядом при обучении находится запрещено, чтобы сила правильнее развивалась.

Я смотрел, как Степа затих и похоже почти не дышит, глядя на пальцы Ярославы, которыми она аккуратно водит по перелому, а под ними легкое теплое свечение. Она повторяет за мной фразы заговора, аккуратно, без эмоций и интонации, но все равно древние фразы пробуждают в ней свет и выплескивают его наружу. В комнате я ощущаю тоненький аромат мирта.

Она повторяет последнюю фразу и замирает с рукой над перевязанной рукой Степы, а я люблюсь, не могу отвести глаз. Яра сейчас как самый настоящий ангел, нежная фея. Наша красавица-шаманка.

– Все, – говорю я лишь одно слово, и все вздыхают. Похо-

же, не только Степка сдерживал дыхание. Ярослав убирает руку, кладет себе на колени и сжимает пальчики в кулачок. Нервничает.

Я тоже нервничаю. Сердце колотится как бешеное.

– Степ? – зову я волчонка. А он проводит второй руке по перебинтованной, сжимает и разжимает пальцы на поврежденной руке и удивленно вскидывает на меня взгляд.

– Работает, – шепчет он. – Все работает и ничего не болит! – уже громче и радостней.

– Получилось, – выдыхаю я и обнимаю Ярославу, а она кулем заваливается на меня, голова у нее откидывается, а руки, как плети, повисают вдоль тела. Я припадаю губами к ее шее и прикрываю от облегчения глаза.

Тоненькая жилка бьется, но так устало и слабенько.

– Что с ней? – испуганно шепчет Степа, а я виновато поясняю:

– Я совершенно не учел того, что шаман-человек иначе должен расходовать свою энергию. Она сильно переутомилась, Степ.

– Это я виноват. – И я вижу, как блеснули от слез желтые глазки.

– Нет, это я виноват, – целую волчонка в макушку и взъерошиваю его светлые волосы. – Я не просчитал последствий.

– Значит, Ярослава на Турнир не поедет?

Тяжело вздыхаю.

– Ей лучше отдохнуть.

– И ты не поедешь?

– Поеду. Тебя я не оставлю без присмотра.

Степка привычно фыркает и отвечает:

– Кто за кем будет присматривать. Учуют запах и налетят сороки. Только и отгонять придется. Ты же уже связанный волк...

– Обязательно. Будешь мою честь защищать.

Во входную дверь раздается звонок, и я вспоминаю о враче, которого вызвал на осмотр руки.

– Черт! Это врач, Степ, так что прикинься капризным волчонком, хорошо?

– Хорошо, – отвечает Степа, а потом смотрит на спящую Яру. – А ее врач осмотрит?

– Обязательно, не переживай.

Я поднимаю Ярославу на руки и несу вниз, в ее комнату, чтобы у нашего стайного врача даже подозрений не возникло, отчего же рука Степки так быстро восстановилась, зато моя Пара без сил. А потом иду открывать Юрию Николаевичу.

Глава 09

ЯРОСЛАВА

Я проснулась как от толчка, полежала немного, приходя в себя, а потом нащупала рукой на тумбочке около кровати телефон. Активировала его и программа привычно зачитала мне время и погоду. Похоже я проспала прилично. Была уже поздняя ночь.

– Ярушка, как ты? – услышала я знакомый хриловатый ото сна голос Ониксима со стороны большого кресла в моей комнате.

– Я заснула, прости. Наверное, ничего не вышло...

Кровать около меня прогнулась под чужим весом и меня окутал приятный лесной аромат, а следом и теплые руки Ониксима обняли меня крепко, защищая ото всего на свете.

– Это ты меня прости. Я совершенно не подумал, что книга предназначена для волков, и силы в них витальной намного больше, чем в людях. У тебя все получилось, но и энергии ты потратила много. Так что на Турнир мы со Степаном поедем сами, а ты дома отдохнешь. Хорошо?

Я уткнулась носом в твердую грудь и глубоко вдохнула любимый аромат.

– Хорошо, – послушно ответила я.

– Никуда не выходи. Я оставлю ребят, но Турнир в этот

раз будет длиться два дня, много участников, так что волчий поселок немного опустеет.

– Я поняла – сижу дома, никуда не выхожу.

Ониксим чмокнул меня в висок и со смешком ответил:

– Вот и умница, моя ты Рапунцель.

– Для Рапунцель мне не хватает сковороды, а тебе белого коня.

Ониксим засмеялся в голос:

– Ну, сковороду я тебе с кухни могу принести, а «белый конь» у меня вообще-то есть, душа моя. У меня белый, – Ониксим прижал меня сильнее к себе, – мощный, – опустил руки на поясницу, – большой, – схватил за ноги, развел их и притянул к себе на колени, прижимая еще плотнее, – джип.

Я взвизгнула от неожиданности и засмеялась.

– И имя есть у твоего «коня?»

– «Land Rover Vilar».

– Да ты у меня богатый как Крез, – продолжила я смеяться, но Ониксим оборвал его нежным поцелуем, а когда отстранился, то крепко обнял.

– Именно. И весь твой. Душа моя, ты ни в чем не будешь нуждаться. А после Ритуала полетим в Германию, чтобы там проверили твои глаза и запястья.

Я хотела поблагодарить Ониксима, но вместо слов судорожно вздохнула, а потом и заплакала. Тихонько, почти неслышно, но не для волчьего слуха.

– Ярослав? – испугался мой дорогой волк. – Что случи-

лось?

Я замотала головой. Слова так и застряли внутри.

– Ты не хочешь?

Я сглотнула мешающий мне ком и все-таки ответила:

– Что ты! Конечно, я хочу! Просто это так... Это все так быстро... Я ведь месяц назад хотела из дома сбежать. Не знала, что делать. Никакого просвета вообще не видела. Думала, либо на улице погибну, либо Игорь меня убьет в порыве злости. Я ведь бы не далась, не позволила с собой...

– Тише, тише, Ярушка, – зашептал Ониксим, поглаживая меня по волосам. – Не думай ни о чем. Не думай о плохом. Все позади. Теперь все будет иначе.

И Ярослава поверила.

Утром было слышно, как множество машин покидают поселок. Смех ребятни заглушался отцовскими рыками или ласковыми голосами мам. Я стояла на крыльце, вслушиваясь в сборы моей еще неофициальной семьи. Интересно, а какие у нас с Ониксимом будут дети? Вервольфы. Точно они. Варя мне пояснила, что ген передается всегда. Может, не проявиться, но ребенок будет носителем волчьей силы. А значит, и того самого проклятья Пары.

Это для людей – своя половинка мечты и радость, а для вервольфов – судьба или рок, когда волк свою истинную па-

ру не найдет. Ониксим мне рассказал историю Степы, про ошибку его родителей, которая и оставила маленького волчонка одного. И как же на самом деле страшно – не найти эту самую Пару.

И как же хорошо, что Джой столкнул нас с Ониксимом на Волчьей улице.

Пес будто почувствовал, что я про него подумала и уткнулся в руку носом. Я погладила его, потрепала по холке, а он радостно гавкнул, когда услышал, что к нам идут.

Степа подбежал первый:

– Яра, пожелай мне удачи!

Я протянула руки и сразу же почувствовала, как волчонок обнял меня.

– Ты обязательно всех победишь!

– Ага, – протянул он счастливо. – Не скучай без нас. Я тебе медали привезу.

– Не Яре, а стае, – усмехнулся подошедший Ониксим и обнял меня за талию. – Никуда не выходи, хорошо? – шепнул он на ухо.

– Не переживай, – шепнула я в ответ и добавила громче: – Буду вас ждать с медалями.

Почему так переживал Ониксим я поняла через пять часов, когда договорилась с Геннадием Марковичем о встрече. Я хотела обсудить очень важный для меня вопрос с регистрацией брака. И хоть Ониксим пока не поднимал вопрос

документов, я же хотела подготовиться ко всем возможным подводным камням заранее.

Вот как чувствовала, что они будут.

Геннадий Маркович удивился, покашлял в трубку, но сердечно поздравил меня с таким решением, сказав, что все-таки хотел бы познакомиться с Ониксимом до нашей росписи, ведь я ему не чужой человек. Я, конечно, с огромной радостью сообщила, что обязательно приглашу на ужин, как только согласую время с обоими мужчинами. Но Геннадий Маркович меня перебил и сказал, что приедет сегодня ко мне, чтобы подписать важные документы, чтобы уже запустить процесс аннулирования моего опекунского соглашения.

– Я не смогу аннулировать его в день регистрации? – спросила я, уже зная ответ.

– Ярослав, девочка моя, к сожалению, твои опекуны могут подать обжалование, поэтому я и хочу сделать упреждающий шаг и подписать сегодня с тобой договор на подготовку документов для регистрации брака и дальнейшего аннулирования соглашения. У меня этот документ уже давно готов. Я приеду с Лешей, он подпишет регламент и зачитает тебе вслух. Ты подпишешь, и твои уже не смогут в суде прихватить за уши, что ты была под давлением, например, твоего будущего супруга.

– Я поняла вас, Геннадий Маркович. Буду ждать.

Через пять часов в дверь позвонили. Я вышла из дома и пошла открывать калитку. Мне хотелось лично встретить Геннадия Марковича, и уже потом открыть ворота. Но около калитки Джой занервничал и громко загавкал.

– Джой, ты что такой злой? – Но мой пес все равно гавкал. – Тише, малыш. Это свои.

Я открыла калитку и уже хотела поприветствовать гостей, как меня резко дернули вперед, а калитку захлопнули.

– Давно не виделись, Слава. Соскучилась по мне? – От голоса Игоря у меня перехватило горло, и я не успела закричать, как сильная рука зажала мне рот. – Замуж собралась? Думаешь, улетишь свободной птичкой? Не выйдет, – припечатал Игорь. Я задергалась, стала вырываться, но Игорь держал меня крепко.

А в голове крутилась мысль: «Как он узнал?»

Игорь, похоже, очень хотел этим поделиться, поэтому озвучил ответ на мой незаданный вопрос:

– И я всегда узнаю о твоих планах, Слава. У меня есть каналы.

Я все-таки вывернулась и укусила руку Игоря, он ослабил хватку, я вырвалась и побежала, даже не понимая куда. Но этот урод быстро меня отловил, схватив за капюшон толстовки.

– Сука, – зашипел Игорь, а я поняла, что меня уже ничего

не спасет. Джой громко гавкал и рычал из-за забора, но раз ко мне никто до сих пор не вышел, значит, соседние дома опустели – все уехали на Турнир.

– А ну, отпустил девушку! – этот голос я не ожидала услышать ни при каких вариантах. Моим спасением оказалась Лада.

Но Игорь не знал, кто Лада на самом деле, поэтому посчитал, что девушка не опасна, поэтому, конечно, огрызнулся на ее слова:

– Не лезь. У нас тут свой разговор.

– Я. Сказала. Отпусти.

– А я сказал... – начал Игорь, но я услышала хруст, стон, а следом меня к себе прижала Лада.

– Хочешь остаться целым – свали.

Игорь сплюнул и хрипло ответил:

– Разговор не закончен, Слава.

Но на дороге послышались звуки подъезжающей машины, и Игорь сорвался на бег.

– Ты как? Кто это? – испуганно спросила Лада.

Я начала хватать воздух ртом, а потом закрыла рот рукой, стараясь успокоиться.

– Ярослав, что здесь делал Игорь? – также испуганно спросил запыхавшийся от бега Геннадий Маркович. Следом за ним пришел и Дар – помощник Быстрого, который выдал пропуск моему адвокату.

– Что здесь случилось? – уже грозно уточнил Дар.

– На меня напал мой двоюродный брат, – пояснила я всем разом. – Но Лада меня спасла.

И так все завертелось каруселью. Лада успокаивала меня, Геннадий Маркович и Дар общались по телефону с Ониксимумом. Леша же постоянно бегал то за водой, то за чаем на кухню. А потом мы все вместе наконец-то оформили документы. Лада сразу же согласилась быть вписанной как дополнительный свидетель, из-за чего мы перепечатывали в срочном порядке всю кипу документов.

Когда же мужчины удалились на кухню, я устало опустилась в кресло и откинула голову на спинку, подумав, что меня оставили одну, но голос Лады стал неожиданностью:

– Извини, что я опять появилась так неожиданно. Я специально приехала к тебе, зная, что Ониксима не будет в поселке. Я хотела поговорить.

Я молча кивнула, совершенно не подозревая, о чем такая волчица может разговаривать со мной.

– Ярослава, скажи, пожалуйста, ты что-нибудь почувствовала, когда встретила Ониксима?

Я задумалась, а могла ли Лада быть влюблена в Ониксима? Насколько появление Пары влияло на чувства?

– Я его очень испугалась, но потом что-то резко изменилось, и я стала его чувствовать намного сильнее. Намного роднее.

– А сейчас... Сейчас тебе сложно без него?

И я ответила сразу, потому что осознавала свои чувства

до последнего оттенка.

– Очень. Я не смогу без Ониксима. Он часть меня.

– Спасибо за ответ, – с грустью ответила Лада, а следом я вдруг услышала всхлип. Лада плакала, а у меня разрывалось сердце.

– Лада, ты плачешь? – тихо спросила я волчицу.

– Ох, прости, – поспешила пояснить свои эмоции Лада. – Ярослава, это не то, что ты могла подумать. Я не влюблена в Ониксима. Он прекрасный волк, совершенно шикарный, но у меня есть Пара – волк, который совершенно не хочет меня принимать. И я с Ониксимом встречалась, чтобы вызвать ревность, но это все оказалось так глупо и безрезультатно, что моя надежда на наше воссоединение совсем умерла. Я не знаю, что сделать, чтобы Даромир принял меня. И я не понимаю, почему он так отрицает меня...

– Даромир? Наш Дар? – переспросила я.

– Именно он.

– Но... Но он же даже толком не поздоровался с тобой?

Вместо ответа я услышала тяжелый вздох.

– Он делает вид, что мы лишь знакомые.

– Но ведь для вервольфов...

– Это мука – жить без Пары, – закончила Лада. – Поэтому я и хотела спросить тебя, Ярослава, как это происходит у людей. Я уже и не знаю, что и думать. Может быть, Даромир – человек, и он совершенно меня не чувствует. Я не знаю...

Я снова услышала тяжелый вздох и потянула руку вперед.

Мне хотелось обнять Ладу. Как-то ее успокоить. Она сжала мою руку, давая понять, где она сидит. И я сразу же пересела к ней, обнимая, стараясь передать ей свое тепло и понимание. Я еще не понимала, как все устроено у вервольфов, но всем сердцем хотела узнать. От Лады я сразу почувствовала силу и какое-то мягкое тепло, и не воспринимала ее соперницей, хотя она и встречалась с Ониксимом, но ее откровенная речь меня поразила – оказывается, ее поступками руководило желание быть признанной своей Парой.

– Лада, я постараюсь я тебе помочь. Не переживай, мы найдем решение.

– Надо же, ты сказала, и я почувствовала спокойствие, – удивленно ответила Лада. – Спасибо, Ярослава. Спасибо, что хочешь помочь мне.

Я лишь крепче обняла девушку. Обещать я ничего не имела права, но верила, что все должно получиться.

Вечером вернулся Ониксим со Степой, и в доме стало еще многолюднее. Он уверенно поздоровался со всеми, поблагодарил Ладу и подошел ко мне, чтобы быстро поцеловать. Я почувствовала его теплые руки на моих, а потом он присел на корточки передо мной и тихо спросил:

– Ты как?

– Со мной все хорошо, не волнуйся. – Я сжала его пальцы.

– Я его убью, – еще тише прорычал Ониксим, а я сжала его пальцы сильнее.

– Не надо. Он того не стоит.

Ониксим поцеловал мои руки и встал, но по его молчанию я поняла, что он моего милосердия не особо разделяет.

– Ральф, сможешь мне приготовить ужин и закуски? Народ уже проголодался.

– Ониксим, а я что – не помощница? – весело спросила Лада.

– Ты гостья, Лада. Сиди и отдыхай, – ответил Ониксим.

Вскоре разговоры перешли в другое русло. Геннадий Маркович рассказывал забавные истории из практики. А Ральф поделился планами по поводу участия своего питомца – пса акита-ину Домеки – в выставке. За чаем все принялись расспрашивать Степу о его победе в Турнире. И атмосфера была такой домашней, что я совсем забыла о случившемся.

Ониксим проводил Геннадия Марковича и Лешу, обговорив с ним все остальные детали по их вопросу. Последним гостем был Ральф – к его стайному имени Быстрый я почему-то привыкнуть не могла.

– Ну и замечательно, – сказал Быстрый, надевая кроссовки. – Теперь в поселке на одного демона меньше будет.

– Кто бы говорил, – тихо добавил Ониксим, но вожак его, естественно, услышал и уже вместо улыбки предупреждающе оскалился. Я знала по рассказам Ониксима, какая это большая мозоль для Быстрого, ведь считалось, что сильные

альфы притягивают свою пару быстрее, а если нет ее, то, значит, Зверь с человеком в разладе. Сейчас уже к этому вроде как относились проще, все-таки наш мир кардинально изменился, и для вервольфов в том числе, но старое клеймо осталось – демоном остался только Ральф.

Так считали все. Но сегодня я узнала, что, оказывается, Дар шел против инстинктов. Неудивительно, что Лада сомневается в его волчьей природе. Ощущая, как меня оберегает Ониксим, я и сама совершенно не понимала, как Дар мог настолько явно игнорировать Ладу. А главное, почему?! Я очень хотела помочь молодой волчице...

Голос Ральфа вернул меня в реальность.

– В начале сентября проведем Ритуал, и сразу же на Совете подниму вопрос про Выстроцких.

– Спасибо, Ральф. Я рад служить тебе.

Вервольф махнул рукой на старого друга и сказал на прощание уже мне:

– Я очень рад за вас, ребята. Берегите друг друга.

Ральф аккуратно сжал мое плечо на прощание и попрощался с Ониксимом. Когда я услышала, как закрываются ворота и машина главы стаи покинула наш дом, я осторожно спросила у Ониксима:

– Ральф? У него немецкие корни?

– Ральф Шнелл. Он единственный немец среди нас, в поселке только потомственные русские оборотни, но мы привыкли называть себя вервольфы. В старину высшей кастой

считались германские волки, но и умирали они быстрее остальных.

– Почему?

– Много междоусобиц было среди стай. Мстили по каждому поводу и без. Сгорали без своих Пар, которых не искали.

Я за эти месяцы стала смелее и вопросами сыпала как из рога изобилия. Ониксим мне всегда все объяснял, находя в моем почти детском любопытстве, смешанном с восторгом первооткрывателя, такое милое сердцу тепло, что порой заговаривал меня до утра, рассказывая про мир вервольфов. Нередко к нам под бочок приходил и Степа, пофыркивая на особо патетических моментах в сказаниях. Джой же совсем привык к дому, к волкам, а Ониксима умудрялся даже и лизнуть в руку, когда встречал к ужину.

И я чувствовала себя счастливее всех на свете, совершенно выкинув из головы любые негативные мысли о своих опекунах. Об Игоре.

Вот и сегодня уже обо всем забыла, но один августовский жаркий день я запомнила на всю жизнь как самый важный урок.

Солнце палило со всей силой, что даже в прохладном доме было жарковато. Я уже сменила в третий раз одежду, надев белую майку и белые легкие шорты, даже от трусиков отказалась, чтобы так быстро не потеть. Степка носился по двору в одних плавках, поливая из шланга Джоя, который

радостно гавкал, ловя пастью воду.

– Яра, а давай на карьер сгоняем искупаемся? Я нас на велике быстро домчу, – крикнул мне Степа. После Турнира он как будто еще взрослее.

На карьер ездить было запрещено. Хоть он и относился к территории волков, но туда они не ездили – много чужих людей. Обычно по выходным многие уезжали дальше в лес, к озеру, куда допускались только волки со своими семьями. Но эта жара... Я вытерла лицо майкой и громко ответила:

– Только быстро. Окунемся и обратно.

– Да, мамочка, – весело крикнул Степка и обнял подбежавшего Джоя.

Я не стала переодеваться, все равно вся уже мокрая. Окунутая и высохнут за пятнадцать минут. Джоя решили оставить дома, в прохладной кухне, чтобы не тащить его по такой жаре.

Степка вывел из гаража на дорожку у дома свой велик с сидухой, на которую и усадил меня, и на раз-два-три мы, выписывая кренделя, все-таки стартовали в сторону карьеров.

– Я там одно место знаю, – стал пояснять Степа свой путь. – Оно немного на отшибе, тихое, там очень мало людей. Никто нас не заметит.

Меня почему-то кольнуло тревогой, я нахмурилась, удивляясь такой реакции, но отмахнулась, как от назойливой мухи. Вскоре Степа свернул и выдохнул: волк – не волк, а он

еще был ребенком, и двоих на велике ему было катить тяжело.

– Я первый, проверю дно, – деловито сказал Степа, копируя интонации Ониксима, и я улыбнулась. Замечал ли Ониксим, как явно его копирует Степа, впитывая за старшим волком сознательность и заботливость?!

Я села на траву, куда меня привел Степка, и стала вслушиваться в окружающие звуки природы. Степа радостно плескался, и я совсем расслабилась, наслаждаясь непривычной для меня семейной идиллией, но такой желанной.

– Ну надо же! Какие люди! – раздалось сверху, и по моей спине прошел озноб. Я узнала бы этот голос из миллиона. – Моя дорогая сестричка. – Игорь смаковал каждое слово. Рядом послышались еще шаги, мужские смешки, и меня бросило в панику. Они здесь, и правда, оказались на отшибе, совсем одни – хоть голос сорви. Додумались поехать в самое пекло! Додумались поехать сюда! Кондиционера дома не хватило!

Можно было ругать себя до второго пришествия, но что толку, сейчас нужно было защитить Степу.

Я напряглась, вслушиваясь в плеск воды, и поняла, что Степа замер.

– Слышь, ты, мелюзга, свали отсюда. Видишь, взрослые разговаривают, – крикнул Игорь, заметив Степку.

И я поняла, что это мой шанс.

– Я здесь одна, Игорь. Перегрелся, что ли?

«Хоть бы Степа понял, хоть бы волчье чутье на опасность сработало...» – молилась я про себя.

Игорь заржал, прихватывая меня грубо пятерней за шею и фиксируя положение головы.

– Была бы ты со своей псиной, то, может, твоя шавка тебя хоть предупредила, что маньяки идут.

Сзади глумливо заржали. Сквозь смех я пыталась расслышать Степкины звуки, но тот либо так и стоял замерев, либо как настоящий хищник, бесшумно исчез.

– А вот теперь мы остались одни, зайка. Пацан сдриснул. Тебе бы тоже не помешало, но кто ж тебя отпустит, – почти ласково проговорил на ухо Игорь, сжимая пальцы на моей шее сильнее. В каждом жесте чувствовалась ненависть, злость... и похоть. – Ребят, покажем, что бывает с заблудившимися целочками в лесу? Или ты уже не целочка?

Опять этот глумливый смех, от которого цепенело все внутри. Я себя иллюзиями не тешила. Меня все это время спасало, как ни странно, то, что я почти не выходила из дома, когда жила у Выстроцких. Мать Игоря, моя тетья, большую часть времени работала дома, а Игорь ненавидел с ней пересекаться, да и в поселке друзей у него не было.

Но здесь... Главное, Степа убежал, а он приведет кого-нибудь. Просто надо продержаться...

– Сосать-то она умеет? – раздалось рядом. И чьи-то грубые пальцы схватили меня за подбородок.

– Научим, – спокойно ответил Игорь и резко дернул за

шею на себя. – Держите ее за ноги, а то она брыкается хорошо.

Я и брыкалась, прислушивалась к звукам и старалась ударить побольнее, но церемониться со мной не стали: кто-то ударил ногой в солнечное сплетение, а второй удар прилетел по лицу. В голове зазвенело, и на пару мгновений я отключилась от реальности, а когда очухалась, то поняла, что лежу на животе с крепко перетянутыми руками на спине, с кляпом во рту, шорты сорваны до колен, майка порвана – видимо, ей и завязывали руки и рот.

– Я ж говорил. Такую грех не выебать. – Голос Игоря звучал высоко над головой, где-то рядом слышались смешки, а потом он присел и сказал около моего лица: – Ее наверняка всей Волчьей улицей натягивали, так что дырка нас всех выдержит.

Я дернулась резко, завозилась, пытаюсь подняться, но чужая нога быстро прижала меня к земле.

– Какая она у тебя строптивая, Игорек. Ты ее не воспитывал, что ли?

– Все руки... не доходили, – ответил Игорь, а парни снова заржали. Я зажмурила глаза, пытаюсь собраться, как-то успокоиться. Кровь стучала в висках отбойным молотком.

Дышать... Вдох-выдох. Нужно продержаться... Нужно... Чья-то рука раздвинула мои голые ноги.

– Надо ее сначала помыть, а то вся потная.

– Гар, да ты эстет, – протянул незнакомый голос. – Может,

еще розы попросишь нарвать?

– Слушай, Игорь, а ты уверен, что ничего не будет? – снова спросил тот Гар.

– Не будет. Я позабочусь, – слишком уверенно ответил Игорь, и у меня промелькнула жуткая мысль – он меня убьет. Не здесь и не сегодня, а когда наиграется. Я зло завывала, поползла вперед, обдирая кожу о камешки. Нет, пусть повозятся со мной, раз так хотят трахнуть.

– Слепая дрянь, – прошипел Игорь и крикнул одному из своих дружков: – Хватай за ноги и потащи к воде, раз Гарик у нас так брезгует.

В две руки меня подняли, будто я ничего и не весила, жали предплечья и ноги до синяков, а потом окунули пару раз в воду. Со стороны это могло бы показаться весельем, забавой полупьяных ребят, а не групповым изнасилованием. Я считала в уме до десяти, сбивалась и снова считала. После аварии я привыкла к боли, можно сказать, мой болевой порог вырос многократно, я не боялась вывихов и ушибов, и так считая себя получеловеком. И если бы Игорь с дружками меня просто избили за тот случай с Ладой... Но нет, групповое изнасилование. Больные ублюдки, которых надо было в колыбели кастрировать!

Помутнение рассудка, состояние аффекта, детская травма – вот как в судах это оправдывали... Чушь собачья! В каком месте у этих троих детская травма? Они уроды и садисты – вот и все.

– Сейчас я тебя поглубже помою, – с хрипотцой прошептал мне на ухо Игорь и резко всунул два пальца. Я зашипела и попыталась боднуть головой, но кто ж мне это позволил, сжав горло в локтевой захват. Игорь трахал меня пальцами под водой, начиная явно заводиться от предвкушения. Я пыталась лягнуть ногами другого парня, но тот держал крепко.

– Надо связать ей ноги или лучше растянуть, – сказал друг Игоря.

– Отличная идея, – ухмыльнулся Игорь и загнал три пальца. Меня прострелило болью, но я продолжала считать – главное, не отключаться.

Последняя и самая болезненная попытка ударить Игоря закончилась сломанным носом. Он ударил меня по лицу в полную силу.

Я пыталась собраться в кучу, мысленно закрыться, отключиться от происходящего. Тело можно восстановить, мое тело сильное, я должна дождаться...

Меня перевернули на живот, кинув под меня какую-то вонючую подушку или куртку, чтобы поднять бедра. Ноги, и правда, растянули до боли, привязав к каким-то самодельным кольям. Кляп изо рта не вынули, из-за чего Я поняла, что начнут сразу снизу. Руки мои занемели, на бедрах я чувствовала что-то липкое и теплое... кровь... нос распух и дышать становилось очень тяжело, хорошо, что кляп закрывал рот не настолько туго.

«Нельзя отключаться», – повторяла я себе, но в голове

плыл туман.

Грубые руки больно сжали голые ягодицы и раздвинули. Резкий удар по ним разогнал туман в моей голове.

– Не зажимайся! – рывкнул на меня Игорь и приставил головку члена ко входу.

«Не отключайся!» – мысленно крикнула я себе и сжала до хруста челюсть, готовясь к еще большей боли. К адской боли.

Но ее не последовало. Что-то огромное пронеслось надо мной и смело Игоря. Послышался задушенный вопль и жуткий хруст костей.

Раз. Два. Три.

Я прислушивалась к звукам, поворачивала голову, но ничего не могла уловить. Ветер шумел в верхушках деревьев, солнце припекало голую кожу, пахло лесом и кровью, но меня колотило в ознобе от страха. Я чувствовала всем телом, что оно рядом, выжидает, готовится. А вдруг оборотни во второй ипостаси настоящие звери? Вдруг Оникисим ей врал...

– Ярушка. – Хриплый родной голос позвал меня, а теплые руки бережно стали развязывать узлы на руках и ногах. Когда меня аккуратно подняли и притянули к себе на грудь, я вся забилась от пережитого кошмара, затряслась, завывала. Я не могла нормально плакать, поэтому царапала пальцами все, до чего могла дотянуться: плечи, грудь, шея, спина. Оникисим меня не останавливал, лишь бережнее убаюкивал в руках. От мужчины пахло мускусом и лесом, пахло нагретой

на солнце шерстью, пахло силой и мощью, и я вжималась в голую грудь Ониксима, не чувствуя своей боли, прячась от нее в крепких объятиях.

Я прошлась рукой до живота, ниже, еще ниже и рвано выдохнула. Ониксим был совершенно голый и предельно возбужденный, его мускулы вибрировали, будто он огромной силой воли сдерживал себя.

– Все закончилось, – тихо сказал он мне на ухо и поцеловал в висок. – Больше никто тебя не обидит. Обещаю.

Я знала это. Я сама слышала, как хрустят кости в пасти Зверя, но страха больше не было. Я сильнее прижалась к груди Ониксима и потеряла сознание.

Глава 10. Спустя месяц

– Пап! – весело крикнул Степа Ониксиму, и тот резко повернулся к волчонку. После того дня Степан стал звать его папой. Ониксиму иногда снилась та сцена, будто в замедленной съемке, как, выбежав из пролеска, Степа рванул к его подъехавшей машине и кубарем кинулся в ноги, на бегу превращаясь обратно в человека. Как он страшно и громко выл в голос, схватив голыми ручками сильные ноги. Как Ониксим сорвался с места, как несся вперед, принохиваясь, нащупывая связь с Парой, как чувствовал боль Ярославы и то, как она его ждет, как держится из последних сил на грани сознания.

И как Зверь не успевает...

Для вервольфов защитить Пару любой ценой – их право и святая обязанность.

Для человека – это убийство.

И хотя Ярослава заверяла его, что благодарна, что он спас ее от смерти, но Ониксим не верил до конца, что страха у Ярославы нет, поэтому из шкуры лез, чтобы стереть те жуткие воспоминания.

Первым делом Ониксим вызвал в поселок маму Даромира. Анна Викторовна была для их стаи ценным ресурсом. И не только потому, что была успешным психологом в Москве, но и потому, что вырастила Даромира сама после смерти му-

жа, приняв суть сына и правду о реальном мире, где обитали оборотни. Отец Дара был человеком, обычным человеком, но вот его дед был из Диких – самых страшных палачей у волков. Эти волки никогда не заводили семью, оставаясь почти монахами на всю свою жизнь. Все в стае знали, что рано или поздно за ним могут прийти: из каждой стаи раз в несколько лет забирали одного из волчат. И он собирался принести себя в жертву вместо маленького волчонка.

Его отговаривал Ральф. Его отговаривал от такой судьбы и Ониксим.

На него за глупость орал и Серафим – тот самый Дикий в стае Быстрого, который специально вернулся к Ритуалу старого друга.

Но все было безрезультатно – вбил себе в голову, что должен быть один. И точка.

На фоне такой твердолобости Ониксим поражался силе духа своей Пары. Ярослава каждый день укрепляла с ним ментальную связь – он все чувствовал, но молчал, боясь спугнуть. Боясь разочаровать... Но Яра ни разу не обвинила его в жестокости. Но он помнил, как ее трясло от страха, когда она поняла, что Зверь рядом.

По Выстроцким, благодаря связям Быстрого, наконец-то выяснилось достаточно, чтобы сдать их на человеческий суд за умышленное убийство семьи Яры. Был бы Игорь жив, то вся семья прошла бы по статьям о взяточничестве и наркотиках, а так только по касательной зацепило, но и этого хва-

тило, чтобы их надолго упрятать. Ониксим знал, что Быстрый им живыми выйти уже не даст. Такие могут навредить стае, а ни один вожак этого не допустит.

Это была неотъемлемая часть их жизни, и вряд ли человек сможет принять это полностью, но законы были нерушимы для всех.

– Я венок принес, – счастливо сказал Степка и протянул ему красивый убор из живых цветов. На ритуал принято дарить своей Паре что-то воздушное и нежное, как символ ее хрупкости, которую Зверь будет защищать до самой смерти, и они со Степой единодушно решили, что это должен быть венок из белых цветов. Яре он невероятно подойдет.

– Иди сюда, поправлю тебе бабочку.

– Ну, пап, я сам могу, – оскалился смешливо Степа и встал около большого зеркала в прихожей. Ярослава же с самого утра находилась под присмотром всех вторых половинок их стаи, а это огромная непрошибаемая женская стена, которая его даже на порог дома не пустила, когда он приехал за ней. Этому дамскому сообществу пришлось отдать целый новенький коттедж, в который планировал уже окончательно переехать Быстрый, и вот вроде вожак же, но как тут скажешь «нет».

– Совсем мы ручные, скоро в цирке выступать начнем, – шипел Ральф рядом с Ониксимом, затаскивая коробки с дорожным шампанским и фруктами в крытый гараж. – Может, предложить всем нашим «опарившимся» ошейники носить

с такой бирочкой, где адрес и телефон дома?

– Завидуй молча, – счастливо оскалился на подколки друга Черный и попытался в одном из окон разглядеть Яру, но хрен с маслом, ее забаррикадировали по всем фронтам. – Вот сам найдешь когда, тогда будет не до шуточек.

Ральф улыбнулся грустно и поставил коробку в угол.

– Это счастье меня явно обходит стороной.

Ониксим ничего не ответил, лишь сжал плечо в дружеском жесте. Он и сам уже ничего не ждал, не надеялся, а так все изменилось.

Вскоре к нему вывели Яру, нарядную, в белом сарафане. Она счастливо улыбалась, ведя на белоснежном поводке Джоя. Залилась румянцем, когда Ониксим надел на нее венок, робко поцеловала по окончании Ритуала под доброе рычание стаи и сорвала голос в его карельской хижине, куда ее увез ото всех Черный.

И только Быстрый знал, какова цена этого счастья и сколько сил ему понадобилось, чтобы удержать Ониксима от места, когда их ищейки вскрыли всю правду про Выстроцких. Настоящая человеческая гниль... Но Быстрый лично с ними разобрался, такие дела надо делать на холодную голову. Главное, что стая счастлива, радуется пополнению новой Парой, ждет ночи и полной Луны, а уж ее темную сторону он удержит.

Подарком от стаи стала поездка в Германию в одну из самых известных клиник, что специализировалась на реабили-

тации после несчастных случаев. Быстрый подсуетился через родителей, и ребятам удалось организовать настоящий “медовый месяц” на целые полгода, в которые они несколько раз будут прилетать на реабилитационный курс, и возвращаться домой на пару недель.

Это очень горячо поддержала и Анна Викторовна, которая умудрилась за короткий срок помочь Ярославе полностью принять себя и убрать страхи. Но и она заверяла Ониксима, что к нему и его природе у его Пары никаких страхов и предрассудков нет. Ониксим кивал, но сам для себя решил окончательно, что сделает все, чтобы Ярослава была с ним счастлива.

После прекрасного Ритуала, который провели на поляне, где установили по кругу факелы, ведь союз всегда скрепляли на полной луне в сумерках ночи. Ониксим увел Яру в тайное место. У каждого волка в стае оно было своим. Место силы, место, где он показывал своего Зверя.

Вот и Ониксим унес Яру в лес, нес ее на руках, вдыхая нежный аромат полевых цветков из венка на белоснежных волосах любимой, и чувствовал невероятную наполненность силой и счастьем. Вот что дает Пара, когда принимает Зверя. А Ярослава даже не ойкнула, когда Зверь скользнул лобастой головой под вытянутую руку. Она рассмеялась от звуков фыркающего волка, когда ему на морду упало несколько цветков из венка. И так мило заурчал-зарычал, когда любимые руки Пары принялись гладить за ушами.

А потом была брачная ночь... самая сладкая....

Но когда Яра с Ониксимом прилетели домой после первичного обследования и начальной терапии рук, в стае их ждал большой сюрприз – Ральф пропал. Вместе с девушкой.